

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГОУВПО «АмГУ»

УТВЕРЖДАЮ

Зав.кафедрой РФ

_____ Е.А.Оглезнева

« _____ » _____ 2007г.

СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС

для специальности 031001 – «Филология»

Составитель: М.А. Куроедова, Н.Г.Архипова

Благовещенск

2007

*Печатается по решению
редакционно-издательского совета
филологического факультета
Амурского государственного
университета*

Куроедова М.А., Архипова Н.Г. (составители)

Стилистика русского языка: Учебно-методический комплекс для студентов специальности 031001 «Филология». - Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2007. – 112 с.

Учебно-методический комплекс «Стилистика русского языка» предназначен для студентов, обучающихся по специальности «Филология». Комплекс содержит программу дисциплины, краткий конспект лекций, планы практических занятий, образцы самостоятельных работ, образцы контрольных работ, терминологический минимум, вопросы к зачету, список основной и дополнительной литературы.

© Амурский государственный университет, 2007

Цели и задачи дисциплины

Цель курса «Стилистика русского языка» – углубить языковедческую подготовку студентов-филологов в аспекте функционирования языка; способствовать формированию навыков использования языковых средств в зависимости от коммуникативных задач участников речевого акта, сферы и условий общения, формы речи.

Курс состоит из четырех разделов. В первом рассматриваются основные понятия стилистики, методология науки, стилистические ресурсы русского языка. Во втором разделе – функциональные стили: сфера их использования, коммуникативные задачи, языковое оформление и жанровое своеобразие. Третий раздел направлен на изучение языка художественной литературы. Четвертый посвящен стилистике текста.

Курс рассчитан на 34 часа лекционных занятий, 34 часа лабораторных занятий. В течение семестра проводятся 2 контрольные работы, ряд самостоятельных работ и терминологических диктантов. Итоговой формой отчетности является зачет.

Преподавание курса связано со всеми курсами филологического характера. Например, «Современный русский язык», «Филологический анализ текста», «Введением в языкознание», «Общее языкознание», «Культура речи», «Теория литературы», «История русского литературного языка» и др.

По завершении обучения студент должен достичь следующих умений:

1. В научном стиле:

- производить стилистический анализ научных текстов;
- оперировать при построении предложений распространенными словосочетаниями логико-понятийного характера;
- строить характерные для научного стиля предложения, нацеленные на выражение отвлеченной, теоретической мысли, на передачу научной информации и аргументацию выдвигаемых положений; использовать в них отвлеченную лексику, термины, формы глагола, на выражение конкретного времени, стилистически нейтральные слова;

– выбирать из синонимических вариантов предложений наиболее характерные для научного стиля речи, способствующие точности, ясности, объективности, обобщенности и краткости изложения, раскрытию логических связей между частями предложений и предложениями в абзаце; –

– соблюдать последовательность, логический характер изложения содержания, строить абзац от тезиса к доказательствам и от анализа конкретных фактов к выводам и обобщениям; вводить термин и давать его определение или раскрывать его значения при помощи конкретизированного описания;

– усовершенствовать научные тексты в стилистическом отношении.

2. В официально-деловом стиле:

– пользоваться наиболее употребимыми жанрами низовых деловых бумаг (справка, заявление, докладная записка, автобиография, отчет, протокол, расписка, доверенность и др.);

– пользоваться характерными для официально-делового стиля регламентирующими предложениями со сказуемым-инфинитивом;

– анализировать в стилистическом отношении основные типы низовых деловых бумаг, устанавливать допущенные стилистические недочеты и исправлять их.

3. В публицистическом стиле:

– производить стилистический анализ публицистических текстов;

– пользоваться публицистическими жанрами (заметка, репортаж, зарисовка, рецензия, литературно-критическая статья, статья на общественно-политическую и морально-этическую темы);

– наблюдать действительность с точки зрения актуальности, общественной значимости происходящих событий и умение отразить общеинтересные факты в характерных для публицистики жанрах и способах изложения;

– строить предложения и связные тексты в публицистическом стиле, наполнять их соответствующими лексическими и фразеологическими средствами языка, сочетать интеллектуальные и эмоционально-экспрессивные средства речи, пи-

сать ярко, выразительно, кратко и общедоступно; пользоваться важнейшими, характерными для публицистики средствами повышения действенности речи (риторический вопрос, синтаксический параллелизм, публицистические перифразы, вопросно-ответная форма изложения и т.д.);

– придать речи соответствующую содержанию тональность (объективно-информационную, торжественную, задушевно-лирическую и т.д.).

4. В стиле художественной литературы:

– производить стилистический анализ небольших художественных произведений (стихотворений, рассказов и пр.) и отрывков, раскрывать стилистическую функцию живописного способа изображения и различных изобразительных и выразительных средств.

– наблюдать действительность и на основе наблюдения и творческой фантазии писать сочинения художественно-образного типа – рассказы, эссе, юмористические миниатюры и др.;

– целесообразно использовать разнообразные средства лексики, словообразования, морфологии и синтаксиса, изобразительно-выразительные средства языка для создания образной речи и изображения персонажей и картин действительности, а также для создания нужной тональности речи;

– совершенствовать тексты в стилистическом отношении.

5. В разговорном стиле:

– производить стилистический анализ текстов разговорного стиля;

– строить диалог: яркий, динамичный, соответствующий обсуждаемой теме;

– строить монологическое высказывание в характерной разговорной манере, используя разговорные синтаксические конструкции, слова и выражения, пословицы и поговорки, экспрессивную и эмоциональную лексику, слова с суффиксами субъективной окраски, элементы образной речи; придать речи соответствующую содержанию тональность.

Также студент обучается навыкам стилистического анализа, редактирования, перефразирования предложений и текстов, конструирования стилистических дифференцированных предложений и др.

Содержание дисциплины и формы работы

Тема	кол час	Форма работы	Форма контроля	Самостоятельная работа
Часть 1. Основные понятия, категории и проблемы стилистики. Стилистические ресурсы русского языка.				
<u>1. Введение в стилистику.</u> Из истории стилистики как лингвистической дисциплины. Функционирование языка как основа стилистики. Понятие речевого события. Предмет стилистики, ее основная проблематика и методы исследования. Основные научные направления стилистики. Задачи курса. Значение стилистики	2	лекция	Творческая работа по созданию текстов в разных стилях на одну тему – <i>входящий контроль</i>	Чтение и конспектирование специальной литературы
<u>2. Основные понятия, категории и проблемы стилистики.</u> Парадигматика и синтагматика в стилистике. Понятие «стиль», речевая системность функциональность стиля. Стили языка и стили речи. Основания классификации функциональных стилей. Стилиевые черты функциональных стилей. Формирование функционального стиля в национальный период развития русского литературного языка. Понятие стилистической нормы. Соотношение стилистической и структурной нормы. Стилистическая ошибка. Классификация стилистических ошибок.	4 4	Лекция Лабораторная работа	Терминологический диктант по темам Ч.1 № 1, 2 - <i>текущий контроль</i>	Чтение и конспектирование специальной литературы; выполнение контрольно-тренировочных упр.; работа с лингвистическими энциклопедическими словарями. Составление таблицы «Разграничение стилистических и речевых ошибок», подготовка к терминологическому диктанту
<u>3. Стилистические ресурсы русского языка.</u> Средства словесной образности как стилистические ресурсы языка. Синонимические средства языка как ресурсы стилистики. Понятие стилистических синонимов, их функции	10 16	Лекция Лабораторная работа	Сам. работа «Средства словесной образности» - <i>текущий контроль.</i>	Чтение специальной литературы; выполнение контрольно-тренировочных упражнений Составление таблицы «Сти-

и способы использования. Стилистически окрашенная лексика. Стилистическая коннотация. Типы стилистической окраски, их классификация. Понятие стилистической словарной пометы. Стилистические ресурсы фразеологии. Стилистические ресурсы словообразования. Стилистические ресурсы морфологии. Стилистические ресурсы синтаксиса.			Сам. работа «Стилистические синонимы» - <i>текущий контроль</i> . Сам. работа «Типы стилистической окраски» - <i>текущий контроль</i>	листические синонимы». Составление таблицы-схемы «Типы стилистической окраски слова». Подготовка к контрольной работе.
Часть 2. Характеристика функциональных стилей русского языка				
1. Формы литературной речи: письменная и устная. Экстралингвистические факторы устной и письменной речи, их дифференциальные признаки. Устная разговорная речь и разговорный стиль литературного языка. Нормы в устной разговорной речи.	2	Лекция	К.р. «Основные понятия стилистики. Стилистические ресурсы русского языка» - <i>промежуточный контроль</i>	Чтение и конспектирование специальной литературы. Составление вопросника к теме.
2. Научный стиль.	2 4	Лекция Лабор. раб.		Чтение и конспектирование специальной литературы; составление сводной таблицы «Функциональные стили русского языка»; подготовка к самостоятельной работе.
3. Публицистический стиль.	2 4	Лекция Лабор. раб.		
4. Официально-деловой стиль.	2 4	Лекция Лабор. раб.		
Часть 3. Язык художественной литературы				
Вопрос о языке художественной литературы. Образная концепция языка художественной литературы. Понятие об индивидуальном авторском стиле. Своеобразие отбора и эстетического функционирования языковых средств в художественном стиле.	2 2	Лекция Лабор. раб.	Самостоятельная работа по теме «Функциональные стили речи» - <i>текущий</i>	Чтение и конспектирование специальной литературы; выполнение контрольно-тренировочных упражнений

			<i>контроль</i>	
Часть 4. Стилистика текста				
1. Текст в свете теории коммуникации. Textoобразующие категории: содержание и смысл.	2	лекция		Чтение и конспектирование специальной литературы
2. Стилистические категории текста (оценочность, эмоциональность, экспрессивность, образность) и речевые средства их выражения.	2	лекция		Чтение и конспектирование специальной литературы
3. Монологическая и диалогическая формы речи. Культура диалога в различных сферах общения. Речевая структура монологической и диалогической речи в аспекте эффективности коммуникативного процесса.	2	лекция	Терминологический диктант - <i>текущий контроль</i>	Чтение специальной литературы; составление плана-конспекта по теме
4. Способы изложения содержания как формы речи. О распределении функций между способами изложения содержания в тексте. Речь автора: типы авторского речеведения. «Образ автора» как стилеобразующая категория. Речь персонажа («неавторская», «чужая речь»). Несобственно-авторская речь.	2	лекция	Итоговая семестровая контрольная работа – <i>промежуточный контроль</i>	Чтение и конспектирование специальной литературы; подготовка к контрольной работе

СОДЕРЖАНИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Материалы к лекциям

I. ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ СТИЛИСТИКИ

Филологическое понятие о стиле

Происхождение слова *стиль* общеизвестно: это слегка видоизмененное греческое название палочки для письма на восковых дощечках (церах) – заостренной с одного конца и тупой с другого. «Стиль» рекомендовалось чаще поворачивать, чтобы стирать написанное и таким образом улучшать текст. В русском языке до сих пор употребляется слово «стило»* – ироническое наименование орудия для письма: карандаша, авторучки, фломастера и т.п.

«Стиль» уже как термин, в более привычном, филологическом, понимании – «речевая манера» – встречается в нашем языке с XVII в., возможно, как заимствование из польского – «штиль». М.В. Ломоносов употреблял эту форму – видимо, под влиянием немецкого языка. Была известна также латинизированная форма – «стилус» (подробнее об этом см.: Вомперский 1965).

В общем виде стиль можно определить так: «исторически сложившаяся разновидность употребления языка, отличающаяся от других подобных разновидностей особенностями состава языковых единиц и особенностями их организации в единое смысловое и композиционное целое (текст)» (Горшков 2000: 27).

Конкретные значения термина «стиль» разнообразны (см.: Лосев 1993). Во-первых, (повторяем) этим словом принято называть *разновидность языка, закрепленную традицией в данном обществе за одной из наиболее общих сфер социальной жизни*, т.е. то, что обычно называется *стилем языка* – нейтральным, книжным или разговорным. Однако мы не будем употреблять словосочетание «стиль языка», потому что это часто приводит к путанице понятий, смешению «стилей языка» (напр., книжного и разговорного) с функциональными стилями (высоким и просторечным). Мы будем говорить не «стили языка», а *«типы*

* На Руси этот предмет, вопреки расхожему мнению, существовал и назывался «писалом».

речи» - нейтральный, книжный, разговорный. В их состав входят разнообразные функциональные стили, напр., просторечный стиль включается в сферу разговорной речи.

Впрочем, реальное соотношение этих понятий сложнее (см.: Степанов 1965: 218-247). В частности, разговорная речь не может рассматриваться просто как часть языка, более широкая, чем просторечие, и потому включающая его в себя. М.В. Панов и Е.А. Земская вообще рассматривают просто непринужденную разговорную речь как особую систему, не совпадающую с литературным языком (см., в частности: Русская разговорная речь 1983). Есть и более специализированное понимание разговорной речи, которая в сфере своего употребления не пересекается с просторечием. Разговорность в этом смысле трактуется как совокупность возникающих в непринужденном общении незначительных, **не противоречащих системе языка**, отступлений от ее стандартов, традиционных норм. Просторечие же – это безграмотная или вульгарная речь, находящаяся за пределами **системной языковой** нормы. Напр., *горячее кофе* или *напиться кофию* – это хоть и не нормативные, зато грамматичные варианты, лучше соответствующие системе русского литературного языка, чем несклоняемое слово *кофе* мужского рода (срав. с *какао* среднего рода), но *кохвий* – грубое просторечие, потому что ко времени заимствования слова *кофе* спиранты /**ф - ф'**/ входили в фонетическую систему русского языка уже как минимум 300 лет и не было никакой необходимости в их субституции (замене для адаптации к языку) через *хв*. Итак, первое традиционное значение слова «стиль» нами учитываться не будет.

Во-вторых, существуют **функциональные стили**. Им как раз и можно дать определение, которое дается упомянутым выше «стилям языка»: разновидности национального языка, в которых язык выступает в социально-значимой сфере человеческого общения. Только семантический объем понятия «функциональный стиль» значительно уже. В книжную речь входят четыре функциональных стиля – *научный, официально-деловой, публицистический* и *высокий*. Разговорная речь, как уже было сказано, включает в себя *просторечный* стиль. Для нейтральной

речи в работах по стилистике функционально-стилистическое соответствие обычно отсутствует, и это логично: нейтральная речь включается в любой стиль, но трудно представить себе сферу, в которой она представлена в чистом виде. Однако такая сфера – хотя бы теоретически – существует: это речь дикторов радио и телевидения. Современные радио и телевидение далеки от этого стандарта, дикторы, пренебрегая элементарными профессиональными требованиями, позволяют себе откровенное выражение собственной позиции, но в идеале именно в данной области социальных коммуникаций нейтральная речь может выступать как функциональный стиль.

В-третьих, стиль – это общепринятая манера (*дискурс*) *реализации речевого жанра* – напр., стиль передовой или научной статьи, стиль дружеского или открытого письма, стиль указа и др. Напр., в автореферате диссертации выделяются актуальность, цели, задачи исследования, методика, гипотеза и т.д. В диссертации необходимо раскрытие логики рассуждений, в автореферате – нет, т.к. это не научный, а научно-деловой документ.

В-четвертых, стиль – это *языковая парадигма эпохи*. Напр., для первой половины XIX в. типичны: конкуренция русских и старославянских элементов (*молодой – младой, ночь – ношь*), кратких и полных произносительных вариантов (*съединить – соединить, над мной – надо мной, полн – полон*), *е* и *ё* (*челн – чёлн*), неокончательное адаптирование иноязычных слов (*лабиринф, феатр, Омир, элей, Гишпания, аристокрация, кошемар, сивилизация* и др.) (см.: Булаховский 1954).

В-пятых, стиль – это *индивидуальная манера человека*. Так, для лермонтовского стиля (идиостиля) типичны категоричные отрицания, слова с семантикой горения (*пламя, огонь, пылкий, гореть* и т.д.), оксюморонность, вообще – антиномичность, интеллектуализм и др. (см.: Чичерин 1977: Гл. 5). Для индивидуальной стилистики релевантна (существенна) речь любого человека, а не только литератора.

Кроме того, существуют и более частные понимания стиля. Можно говорить о стиле не писателя, а его последователей или, чаще, эпигонов – напр., «байронизм» – это не индивидуальная манера Байрона, а разновидность романтизма

(см.: Сакулин 1990: 135); «достоевщина» - доведение деструктивных черт творчества Достоевского до предела и абсурда (типичная «достоевщина» - это скорее Ремизов и Арцыбашев, чем Достоевский).

Другие частные трактовки стиля дает А.Ф. Лосев. В трактате «Диалектика художественной формы» (см.: Лосев 1995: 150-151) он выдвигает критерии для их выделения:

а) *материально-природный* – напр., «фортепианный стиль» симфоний Р. Шумана (здесь было бы уместнее сказать о *манере*, т.е. о «выделении особенной формы за счет общей» - см.: Шеллинг 1966: 179);

б) *психологически-настроительный* – таковы «ноктюрный» или «колыбельный» стили в музыке (можно сказать: «нежный», «трепетный» и т.п.), а также стили «экстатический», «созерцательный», «деятельный», «вялый», «скорбный» и т.д. (предпочтительнее было бы назвать это не стилем, а *тоном*);

в) *идеологический* – напр., религиозное, национальное искусство и др.

Кроме того, со стилями часто отождествляют художественные методы (классицизм), направления и течения (сентиментализм, символизм), школы («натуральная школа», «озерная школа»). Различие между методом и стилем Л.И. Тимофеев определяет так: «Стиль – это и есть частное, конкретное проявление метода. Метод можно сравнить с компасом: он определяет основное направление. В котором развивается творчество писателя (или ряда их), но уже и рельеф пути, по которому движется художник, и то, в какой мере он по нему продвинулся, и т.п. – это дело индивидуальной реализации метода в творчестве художника» (Тимофеев 1976: 109). Но какие бы термины мы ни употребляли, все эти устойчивые системы («субъязыки» литературы) входят в компетенцию стилистики, потому что стилистика – это «**лингвистика субъективов**» (см.: Скребнев 1985).

Мы не ошибемся, если будем понимать под стилем всё яркое и необычное в языке писателя, даже просто человека, если будем стремиться сквозь язык разглядеть личность в ее своеобразии. Но не следует забывать и о противоположной стороне этого явления – стилизации: «(...) стилизовать – значит деформировать

реальное, дереализовать. Стилизация предполагает дегуманизацию. И наоборот, нет иного способа дегуманизации, чем стилизация» (Ортега-и-Гассет 1991: 237). Испанский философ, автор знаменитого трактата «Дегуманизация искусства», пишет, по-видимому, о «партийно» понимаемой стилизации, когда человека принуждают придерживаться господствующих эстетических канонов – классицизма, реализма и т.п. – и отказываться от собственной личности (вспомним хотя бы историю с корнелевским «Сидом», осужденным французской Академией).

Однако писатель может быть заложником и собственного стиля, т.е. своей бесконечно тиражируемого «имиджа» – об этом, напр., часто говорит в своих стихах Игорь-Северянин:

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстрот, кинематограф и лото –
Вот, вот куда людская мчится стая!
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Благословляя мир, проклятье войнам
Он шлет в стихе, признания достойном,
Слегка скорбя, подчас слегка шутя

Над всею первенствующей планетой...
Он – в каждой песне, им от сердца спетой,
Иронизирующее дитя.

Итак, стиль не всегда бывает выражением личности писателя и может, напротив, исказить представление об этой личности.

Наконец, стиль – это не обязательно совокупность приемов, ярких особенностей. Иногда стиль выражается в их отсутствии, в простоте, безыскусности языка:

Стиль в художественной литературе не сводится к совокупности ярких приемов, к системе «отклонений» от нейтрального языкового стандарта, как утверждают крайние формалисты, - не потому, что не читали М.М. Бахтина и др., а потому, что так удобнее на практике. Бельгийские филологи остроумно высказались по поводу принципа «отклонений»: «Это то же самое, что рассматривать женщину с точки зрения, чего ей не хватает, чтобы быть мужчиной» (Общая риторика 1986: 42). Стиль – это языковой образ авторской личности в целом, включая то, что свойственно не только ему самому, но и его литературной партии, его эпохе и т.д.

И здесь мы подходим к важнейшему пункту, который следует осознать: **стилистика содержит в себе всё, что относится к филологии***. По этому поводу ученые высказывались неоднократно: «Предметом стилистики служат все области и все способы использования языка, в особенности литературного» (Виноградов 1961: 12); «В самом общем понятии «стиль» бывает там и тогда, где и когда язык манифестирует в речи» (Гельгардт 1966: 145). И, наконец: «[С]тилистика представляет собой дисциплину принципиально иного порядка, нежели фонология, грамматика, семантика, а не просто очередную ступень в иерархии языковых уровней. Стилистика рассматривает *общий* язык данного общества, распадающийся на различные подязыки, тогда как указанные дисциплины рассматривают *отдельные* нормы для экспликативного общения» (Успенский 1969: 492); «Стилистика - это филологическая дисциплина, изучающая (1) не одинаковые для разных условий языкового общения а) принципы выбора и б) способы организации языковых единиц в единое

* Филологический анализ текста может пониматься (и понимается) расширительно. См. в этой связи: «Именно чисто литературоведческий характер конечных целей исследования одновременно составляет смысл существования [и] обуславливает единство филологической науки, которая в противном случае включала бы в себя самые разнородные исследования. Она охватывает все, что более или менее способствует лучшему пониманию духа и буквы произведений, а это ведет к тому, что, занимаясь названными выше предметами, филолог может при случае стать по необходимости также археологом, юристом, географом, историком, мифологом и т.д. На произведениях литературы сосредоточена одновременно и деятельность филолога, и деятельность [литературоведа]» (Соссюр 1990: 65).

смысловое и композиционное целое (текст), а также (2) определяемые различиями в этих принципах и способах разновидности употребления языка (стили) и их систему» (Горшков 2002: 20).

*Можно было бы сказать: стилистически значимо любое отклонение от литературной нормы; стилистика возникает там, где появляются оттенки смысла. Это верно, однако не полностью. Ученые говорят так: **стилистика возникает там, где появляется смысл.***

Стилистика – это (воспользуемся формулировкой Р. Барта) «вторая лингвистика», и, в идеале, ее следовало бы преподавать параллельно с СРЛЯ, причем с первого курса до последнего. СРЛЯ излагает строение, нормы, законы русского языка, стилистика – особенности его функционирования, а главное – детали, тонкости употребления языковых единиц. Такие дисциплины, как стилистика, культура речи, эстетика слова – это, в сущности, «высший пилотаж» науки о языке, потому что здесь **языко-знание** (т.е. и лингвистика, и процесс познания языка, и знание предмета, владение профессией) осуществляется во всей полноте. Для полноценной работы стилист должен знать и лингвистику в максимальном объеме, и литературоведение, и искусствоведение, и философию, и историю, и культурологию, и основы естественных наук, и многое другое, причем никакие знания не могут оказаться чрезмерными.

Стилистика, лингвопоэтика, риторика, эстетика слова, герменевтика

Под перечисленными дисциплинами, без которых существование стилистики невозможно, разные ученые понимают не одно и то же. Поэтому филологи иногда полемизируют, хотя на самом деле не утверждают ничего такого, с чем не согласились бы их оппоненты. В 20-х гг. М.М. Бахтин спорил с формалистами, определившими искусство как совокупность приемов. 40 лет спустя его последователь В.В. Кожин с тех же позиций критиковал Тартуско-Московскую школу, прежде всего Ю.М. Лотмана и его программный труд – «Лекции по структуральной поэтике». «Возможна ли структуральная поэтика?» – спрашивает Кожин и доказывает, что «изучать поэзию как систему сигналов, не принимая во внимание

«художественную сторону» (...) - это уж совсем не нужное и бесплодное занятие» (Кожин 1965: 106). Утверждение Кожина само по себе справедливо, чего, разумеется не стал бы отрицать и Лотман, никогда не игнорировавший художественности текста. Но дело в том, что Кожин фактически говорит о *лингвоэстетике*, тогда как поэтика, то есть устойчивая система выразительных средств (экспрессам), вполне может быть и структурной. Пример тому - книга льежских филологов под названием «Общая *риторика*» (правильнее было бы назвать ее просто «Поэтикой»).

Философ Г.Г. Шпет высказался образно: «Поэтика - наука об фасонах словесных одеяний мысли». И добавил, что она не предписывает «правила моды, она их учитывает», т.е. обобщает художественные эксперименты писателей, выстраивает систему выразительных средств (Шпет 1989: 447).

Различные понимания стилистики и смежных с ней наук - отдельная и весьма обширная тема, рассмотрение которой не входит в наши задачи. Поэтому ограничимся изложением точек зрения, использованных в данной работе.

Ю.М. Скребнев предлагает такое определение своей науки: «Лингвистика субъязыков» (Скребнев 1985), то есть частных стабильных языковых систем («язык» ученых, публицистов, деловых людей, жителей села и горожан, молодежи; системы выразительных средств, типичных для конкретного художественного направления - например, стиль барокко; индивидуальная манера писателя - все это разнообразные субъязыки).

Под **поэтикой** мы будем понимать науки о строении, а также функционировании **книжной** речи, прежде всего художественной и публицистической. Особенности последней изучает **риторика** - таким образом, ее можно считать частью поэтики, а обе дисциплины вместе включать в состав стилистики; впрочем, риторика в широкого смысле слова фактически совпадает со стилистикой, ибо это «наука об условиях и формах эффективной коммуникации» (Гиндин 1986: 364). Интересно определение риторики, данное М. Божуром: теория создания убеждающих текстов (Beaujour 1989).

Эстетика слова (лингвоэстетика) - это, в сущности, **искусствоведческая** дисциплина (такая же, как музыковедение, театроведение и т.п). Так понимает ее, например, М. Верли (Верли 1957: 57). Аналогично думал и М.М. Бахтин, критиковавший деятелей ОПОЯЗа, понимавших филологию как «материальную эстетику»: детальный анализ языкового материала (Бахтин 1986).

Особенности лингвоэстетической интерпретации текста хорошо иллюстрируются примерами из рассказа И.Л. Андроникова, который, по совету своего университетского друга Л. Обломиевского (будущего литературоведа), посещал семинар Л.В. Щербы. За три года Щерба детально разобрал восемь строк «Медного всадника». Вот как это выглядело:

- (...) пока мы еще не выяснили, кто это стоит, полный великих дум?
- Петр, - несмело предложил Обломиевский.
- Тут не сказано...

Я сказал:

— Дальше сказано.

— Нет, не сказано. Сказано просто: «И думал он». Опять «он» <...>. Обломиевский сказал:

— Может быть, «он» это Медный всадник.

— Нет, — возразил Щерба. — Медного всадника тогда еще не было <...>. Я не могу сказать, кто это — Он, если мы не учтем модальности суждения, обусловленного различием между логическим определением и образным выражением <...>. Я не знаю, что такое пустынные волны. Может быть, вы попробуете объяснить это.

— Пустынные, — сказал я, — это в смысле пустые, подобные пустыне, где ничего нет.

— Это не так! В пустыне есть песок, дюны, в пустыне пальмы растут, кто-то ловит копые на скаку <...>. И хотя мы-то с вами хорошо знаем, что в пустыне много чего есть, мы воспринимаем *слово* «пустынный» в его переносном значении. Пустынный — где ничего нет. Это иносказание. Так же,

как «полный великих дум». Думы – не наполняют <...>. В сущности, только одно слово – *на берегу* – соответствует здесь своему самостоятельному значению...

(Андроников 1990: 52-53)

Автор этих строк не претендует на восстановление логики самого Л. В. Щербы. Кроме того, ученый в ряде случаев бывает некорректен. Во-первых, имя Петра упоминается в поэме неоднократно, в том числе и во Вступлении. Во-вторых, Щерба допускает методологический просчет, когда возражает: «Медного всадника тогда еще не было». Мы, конечно, понимаем, что Обломиевский и Щерба имеют в виду Фальконетов памятник Петру I, но, строго говоря, они оба отступают от принципа, который вырисовывается достаточно ясно: от имитации первого чтения пушкинского текста, от его восприятия как еще не знакомого. При таком подходе интерпретатор еще «не знает», что Медный всадник – это именно изваяние Э. Фальконе и именно Петр I. Здесь же преподаватель и студент говорят о явно «знакомом» тексте. В-третьих, как будет показано далее, предположение Обломиевского, что «он» – это Медный всадник, хоть и неверно, все же не лишено смысла, и преподаватель напрасно отверг его с ходу.

Ученый подвел студентов к весьма важному выводу: текст может быть художественным, даже если он не изобилует яркими тропами. Пушкин употребляет самые простые и понятные слова, однако почти ни одно из них не совпадает со своим буквальным значением. Почти все слова отклоняются от своего смысла, но фразу – всю целиком – мы понимаем правильно.

На берегу пустынных волн

Стоял *он*, дум великих полн –

означает следующее: на малообжитом берегу Невы (или «побережье Финского залива») стоял Петр Алексеевич Романов, русский царь, и серьезно думал о делах, осуществление которых имело важнейшее значение для России. При такой трансформации пушкинского текста не изменили своего значения и внешнего вида слова *на берегу* и *стоял* и претерпели грамматическую перифрастическую

модификацию *думы* («думал о делах»). Хотя последнее слово принципиально не изменило своей семантики, видно, что оно не вполне адекватно себе. Все остальное изменилось.

Эту неполную адекватность обуславливает его сочетание с метафорическими словами *великих* и *полн.* Буквально понимаемому слову придаются метафорические атрибуты, на него падает тень метафоризации: ведь на самом деле эти думы не материальны, не огромного размера и не способны заполнить некий полый предмет, стоявший на берегу и обозначенный местоимением *он*.

Трактовка местоимения, на первый взгляд, не вызывает затруднений. Понятно, что Пушкин знает, кого имеет в виду, но не только это: он строит текст, исходя из этого знания.

Первые читатели поэмы, конечно, не могли исходить из сюжета об оживающей статуе, но вряд ли слово *он* было загадкой и для них. В самых тривиальных случаях человек ассоциирует местоимение с предшествующим существительным того же рода, что и сделал Обломиевский, глупо предположив, что если «он» – это не Петр, значит, Медный всадник, т.е. наименование, предшествующее местоимению. Трактовка, разумеется, курьезная, но курьезность имеет свои пределы. Ведь, строго говоря, к местоимению *он* гораздо ближе стоит, просто примыкает к нему, другое существительное – имя *В.Н. Берх*, упомянутое в Предисловии: *Любопытствующие могут справиться с известием* (о наводнении в Петербурге – А.Ф.), *составленным В.Н. Берхом*. Более того, это имя выделено курсивом, как и местоимение *он*, что могло бы облегчить акт сопоставления этих слов. Излишне говорить, что такая процедура может быть проделана только формально. Смысл ее настолько нелеп, что ни профессору, ни даже студентам мысль о возможности такого прочтения не приходит в голову.

Формальное истолкование местоимения *он* оказывается абсурдным, однако мы трактуем его без затруднений. Почему? Прежде всего, оно оформлено особым образом: выделено курсивом. Курсив сигнализирует нам об ослаблении синтагматики и активизации парадигматики – о том, что местоимение *он* не следует моти-

вировать ближайшим предшествующим контекстом, что понять его нам поможет тезаурус (т.е. система наших знаний о мире), причем понять однозначно. Хотя «он» – это не Медный всадник, но сегмент *Медный всадник* (т.е. явный конный монумент – в этом сомнений нет) в сочетании с «великими» думами позволяет ассоциировать «его» с Медным всадником по принципу не тождества, а метонимии. Упоминание Петербурга в подзаголовке («*Петербургская повесть*») и наводнений в Предисловии (т.е. укрепление петербургского топоса) не оставляет никаких сомнений, что «он» – это Петр I. В тексте сказано достаточно для активизации наших экстралингвистических знаний, посредством которых мы однозначно идентифицируем и «берег пустынных волн»* и «его» и уясняем характер «великих дум». Сопоставить «его» и Медного всадника нам помогают и формальные признаки: инициальная позиция обоих сегментов и их особое выделение – пунктуационное и пунктуационно-графическое: местоимение выделено курсивом, заглавие – сплошными прописными и разрядкой.

Предположения тут же подтверждаются – тройным повторением имени Петра и «стенограммой» его «великих дум».

Почему же Петр сразу не называется прямо – как, например, в «Полтаве» (*Выходит Петр*, хотя с тем же успехом можно было бы сказать: *Выходит он*)? В «Полтаве» это действующее лицо и, главное, живой человек. В «Медном всаднике» это воскресающий покойник. Он существует в двух планах – мемориальном, как историческое лицо (и его имя упоминается прямо: *Петра творенье, град Петров, тревожит вечный сон Петра* – в последнем случае Пушкин, знающий о будущем оживании статуи Петра, как бы прогнозирует его), и в метафизическом – это дух, демон, продолжающий таинственно жить в русской действительности и влиять на судьбу России. В этом аспекте имя *Петр* табуируется и после Вступления практически отсутствует. Подобно римскому императору, Петр после смерти как бы обожествляется; знак этой сакрализации – монумент, метонимически подменяющий его. Памятник – это «кумир», и он внушает суеверный ужас.

* Срав.: «По мшистым, *топким* берегам // Чернели избы здесь и там», «И лес, *неведомый лучам*» - «Прошло сто лет, и юный град, // Полнощных стран краса и диво, // Из *тьмы лесов*, из *топи* блат // Вознесся пышно, горделиво».

Мистически осознаваемый Петр предстает в ореоле перифрастических эвфемизмов: *кумир на бронзовом коне; ...того, / Кто неподвижно возвышался / Во мраке медною главой, / Того, чьей волей роковой / Под морем город основался*– так воспринимает его Евгений, и ему вторит автор: *О мощный властелин судьбы!* Даже взбунтовавшийся Евгений опасается назвать Петра по имени: *Добро, строитель чудотворный!*

Неупоминание имени Петра в начале поэмы получает мотивировку в ее сюжете. Это не просто реальное историческое лицо, но почти божество, пересоздающее мир. Бог, как известно, тоже маркируется местоимением третьего лица, также особо оформляемым (правда, не курсивом, а начальной прописной – Он). Сопоставление Евгения с Иовом вполне прозрачно и уже отмечено исследователями. Идеологема «царь – проекция Бога» очень устойчива в русской культуре. Этой параллелью определяется смысл первых строк «Медного всадника».

Пустынные волны – синтетический троп: метонимический эпитет (метонимия – синекдоха – состоит в замене целого частью). *Пустынный* – не значит 'пустой' в буквальном смысле слова (Пушкиным упоминаются избы и «бедный челн»). *Пустынный* – почти не тронутый человеком. Пустыня – место торжества дикой природы. Семантика обоих тропеических сдвигов, представленных в этом словосочетании, одна и та же: уход от конкретности. Конкретный гидроним – *Нева* – дробится на какие-то абстрактные *волны*. Вода подменяется «пустыней». Пушкин даже идет дальше: примечательно, что он говорит о воде, а не о земле (о волнах, а не о побережье). Усиливаются мотивы безжизненности (вряд ли кто-то станет жить в «волнах») и неопределенности (пусть не очень твердая, но почва подменяется водной стихией). Все это работает на образ неформленного хаоса⁴, который будет претворен творческой волей богоподобного Петра. Вот тогда описание приобретает предельную конкретность и отчетливость:

По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли

Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова <...>

Люблю тебя, Петра творенье –

и далее гимн во славу Петербурга, с подробным его описанием. Здесь появляются и детали, и имена. Возникает отчетливость, из хаоса создается новый мир.

Ранее было сказано, что неверное предположение студента, будто местоимение *он* означает Медного всадника, все же не лишено смысла, и теперь следует это пояснить. Конечно, Пушкин подразумевает Петра, но репрезентует его образ двусмысленно. В реальном, живом историческом Петре уже «дремлет» будущий мифологизированный, «монументальный» Петр.

На это указывают и прономинализация, подкрепленная курсивом, и думы, осознаваемые автором *post factum* как «великие». Он даже стоит на берегу реки, будто на импровизированном пьедестале. Итак, «на берегу пустынных волн» стоял не Медный всадник, но тот, кто потенциально нес в себе этот роковой образ.

Наконец, оборот *дум великих полн* также работает на тот же эффект деконкретизации. Здесь тоже, как и в сочетании *пустынных волн*, содержатся эпитеты и синекдоха – на сей раз целое выступает вместо части (*он* вместо разума, который, собственно, и был наполнен «великими думами»). Синекдохой подчеркивается максимальная сосредоточенность Петра на своих мыслях. В предыдущей строке синекдоха строится на сужении образа, здесь – на расширении. Отметим также, что эти строки пронизаны антонимией, как на вербальном, так и на образном и логическом уровнях. Противопоставлены суша и вода, статуарность царя и подвижность воды, антонимичны слова *пустынных* и *полн*. Напряженность, «разность потенциалов» задается с самого начала поэмы.

Таким образом, отмеченные Л.В. Щербой смысловые несоответствия объясняются эстетической семантикой данных строк. Это восхищение историческим Петром и страх перед Петром метафизическим, уподобление его творящему божеству, создающему свой мир из бесприютного невского пейзажа, сопоставляемого с пустыней. Все это не содержится в денотате и создается через языковые смещения.

Итак, теперь нам ясно, что такое «эстетический объект». *Не* эстетический объект - это просто предмет речи: референт или денотат. **Референт** – это *вещь*, о которой мы говорим, вещь абсолютно конкретная. Например: Дайте мне, пожалуйста, *это* яблоко - именно это и никакое другое: видимое, осязаемое и т.п. **Денотат** - это понятие о вещи. Например: Дайте мне, пожалуйста, яблоко - любое, какое-нибудь: мыслимое, представляемое. В реальной речи денотат и референт неразъединимы. Например: Я сижу за письменным столом - разумеется, я не могу сидеть за абстракцией (т.е. за денотатом); конечно, для меня это определенный предмет (референт), который мне не безразличен (за другим столом я, возможно, буду чувствовать себя неудобно), но для меня важнее факт работы, нежели сидения за столом, который имеет второстепенное значение. «Я сижу за письменным столом» фактически означает: «Я работаю», «Я пишу», поэтому письменный стол как бы игнорируется мною (превращается в денотат). Только сев за другой стол, я обратил бы внимание на место работы. Этим далеко не исчерпываются сложные взаимоотношения референта и денотата, но, полагаю, что в целом вопрос ясен.

У начальных строк «Медного всадника» есть свой референт - реальная ситуация: живой Петр I, действительно стоявший в мае 1703 г. - на берегу Невы в ее устье и думавший о преобразовании России, в том числе о новой столице. Денотат - наше знание об этом, то есть знак.

Эстетический объект - это денотат, одушевленный художественным сознанием Пушкина, а через него - и нашим. Это и трепет перед Петром, восхищение им, сравнение Петра с творящим Богом (все смысловые нюансы, заключенные в местоимении «он», выделенном курсивом), и сопоставление бесприютного невского

пейзажа с пустыней. В самом денотате этого нет, все смыслы привнесены Пушкиным и выражены через *языковые смещения* (главным образом лексико-семантические: метафоры, эпитеты, метонимии).

Эстетический подход к языку в XIX-нач. XX вв. культивировали А.А. Потебня (концепция «внутренней формы» слова как следа анимистического мышления наших далеких предков) и «эстетические идеалисты» (Б. Кроче, Дж. Бонфанте, К. Фосслер, Л. Шпитцер, Г. Шухардт), причем все эти ученые были последователями В. фон Гумбольта, полагавшего, что в национальном языке заключен животворящий дух данного народа. В XX в. оформление лингвоэстетики как науки связано с именами Л.В. Щербы, В.В. Виноградова, но особенно М.М. Бахтина и Б.А. Ларина.

Основные признаки эстетического значения слова: невозможность слишком конкретных толкований, внешний (и часто мнимый) алогизм связей, слабое соотношение с ближайшими по семантике словами (эстетически значимое слово «служит намеком включенных мыслей, эмоций, волнений»), неразрывная связь с художественным целым (Ларин 1974: 33; Ковтун 1968: 21). Философ Б. Бозанкет пишет: «слово, очень строго говоря, никогда не употребляется в одном и том же смысле» (Бозанкет 1957: 280), то есть оно всегда окрашено *конкретными* эмоциями, с ним связаны *определенные* ассоциации, оно употребляется в *данном* контексте, и вряд ли все это может буквально повториться, да еще и в одинаковых соотношениях. Здесь имеется в виду обыкновенное, не художественное слово, но если даже у него всегда есть индивидуальная (более того, уникальная) окраска, то это тем более относится к слову поэтическому. Всех его смыслов мы не выявим никогда, ибо не можем знать, о чем именно думал автор, создавая данный текст, наша цель - максимальное раскрытие семантики, которую способен понять и / или почувствовать читатель.

Во многих отношениях лингвоэстетика - не только наука, но и искусство толкования текста, т.е. **герменевтика**. Собственно герменевтика (экзегетика, феноменология) - это целая философия (идеалистическая), рассматривающая слож-

ные отношения между человеческим сознанием, действительностью, миром языка и текстом, причем главная роль здесь принадлежит Богу: ведь анализировались поначалу именно духовные тексты. Жрецы - герменевты через них пытались постичь волю богов. Даже само слово «герменевтика» происходит от имени Гермеса, посредника между обитателями Олимпа и людьми. Недаром один из первых герменевтов нового времени Ф. Шлейермахер, заложил основы этой науки (о ее научности мы говорим, не забывая, что это *не только* наука) в «Речах о религии». Отвлекаясь от богословских и философских аспектов герменевтики, а также от ее социологии (Ю. Хабермас, П. Рикер, Ж. Деррида, Дж. Уолфф и др.), можно сформулировать следующие собственно филологические итоги, важные для нас.

Главная проблема герменевтики - понимание. Шлейермахер полагал, что интерпретатор способен стать на место автора, воспроизвести процесс создания текста и понять произведение лучше, чем его создатель. Г. Гадамер и М.М. Бахтин сделали уточнение: мы не просто замещаем автора, то есть превращаемся в него, но воспринимаем произведение через себя, свою эпоху и многие другие социальные и культурные факторы. Это *диалог* двух сознаний (авторского и читательского). Впрочем, реальная картина сложнее.

Приступая к прочтению текста, мы обладаем «предпроектом понимания», видим (представляем себе) некий «горизонт ожидания», т. е. еще до чтения незнакомого произведения кое-что знаем о нем: какую-то информацию дают имя автора, его предыдущие книги, род и жанр литературы, заглавие, оформление обложки и т.д. У нас складывается определенное прогностическое (от слова «прогноз») представление о книге: *общее* ожидание, которое подтверждается или обманывается. Исходя из него, мы лучше уясняем *детали*, которые, в свою очередь, помогают понять *целое*. Это напоминает движение по кругу, процесс «челночного движения» между общим и частным так и называется: «герменевтический круг», но круг не порочный (замкнутый), а, скорее, расширяющаяся спираль, потому что наше понимание текста постоянно переносится на более высокие уровни.

По выражению Гадамера, текст задает нам вопросы. Это не совсем метафора. Его слова фактически означают следующее: самим автором в текст заложены структуры, специально обращенные к читателю, в том числе и приемы, то есть необычные употребления языковых единиц, требующие интенсивной работы мышления, провоцирующие участие читателя в активном диалоге с автором.

На основании этих трех положений была создана **стилистика декодирования**.

Норма.

«Дирижером» стилистической системы является норма – совокупность ее наиболее устойчивых реализаций, узаконенных в процессе общественной коммуникации. Если мы составим семантическую парадигму, то нормой окажется самый употребительный вариант, чья семантика присутствует во всех ее членах. Можно сказать, что нормативность *литературного языка объективно приближается к понятию стилистической нейтральности*. Нормой функционального или другого стиля является, конечно, не стилистически-нейтральный, а наиболее типичный, частотный языковой (субъязыковой) элемент.

По Э. Косериу, норма – это «система обязательных реализаций», причем филолог отмечает, что «в силу стремления к парадигматическому разнообразию норма может даже требовать реализаций, противоречащих системе» (Косериу 1963: 175, 231). Впрочем, системность и несистемность – понятия относительные.

Что это значит на практике? Возьмем знаменитое лермонтовское четверостишие:

Не встретит ответа

Средь шума мирского

Из пламя и света

Рожденное слово.

А.А. Краевский указал автору на ошибку. М.Ю. Лермонтов несколько раз пытался ее исправить, хотел «изорвать» стихотворение, переписывал его, опуская

эти строки (см.: Андроников 1967: 463-468), т.е. сам не был доволен своим вариантом, но именно эта редакция, в конце концов, осталась единственной. Почему? Помимо звукописи и ритмики, есть еще одна – важнейшая – причина: *пламя* – существительное, как нельзя лучше соответствующее и своему собственному значению, и эстетическому эффекту употребления его в данном тексте. Оно колеблется между двумя склонениями и двумя родами (*пламя* и *пламень*, а есть еще *польмя*), как само *пламя* колеблется на ветру. Неустойчивость, переходность слова *пламя* идеально вписывается в контекст его употребления: ведь здесь говорится о слове, рождающемся из огня, и сам текст иллюстрирует этот процесс. *Пламя* – слово «не готовое» и как бы рождающееся на наших глазах. Лермонтов не просто нарушает установившуюся норму – он будто приводит слово к его завершенности, восстанавливает его окончательную форму, по-настоящему соответствующую системе, которой противоречат разносклоняемые существительные. Возможно, они со временем слились бы с I склонением (по академической Грамматике), т.е. *пламя* превратилось бы в *пламе*, как это произошло с большинством болгарских слов того же происхождения (*знаме*, *племе*, правда, *пламя* там превратилось в *пламен*), и тогда вариант *из пламя и света* оказался бы нормативным.

Однако следует сказать, что в ту же самую эпоху лермонтовский вариант не был чем-то экстраординарным. Подобные «аномалии» допускали и другие писатели, даже классики. Мы помним крыловскую мартышку, прижимавшую очки «к темю». У В.А. Жуковского в переводе «Одиссеи» встречается «по стремю», у К.Ф. Рылеева в «Наливайко»: «из стремя» и т.п. (см.: Булаховский 1954: 75). Итак, лермонтовское «из пламя» нарушает вариант, который в грамматической системе данной эпохи был узаконен как норма (напр., у А.А. Барсова). Однако «из пламя», с одной стороны, согласуется с другими формоупотреблениями такого же типа, распространенными в лермонтовскую эпоху, с другой – не противоречит глубинным тенденциям самой грамматической системы, которые, возможно, реализовались бы, если бы архаичная парадигма не была зафиксирована в пись-

менной речи и грамматиках. Нормативность – понятие более сложное, чем представляется на первый взгляд. Говоря о норме, следует уточнять: о какой именно.

Можно выделить три вида **норм**:

а) **прескриптивные**, или предписательные, выражающие языковой идеал («так следовало бы говорить») – напр., *кофе* среднего рода;

б) **дескриптивные**, описательные, отражающие традицию формоупотребления («так принято говорить») – напр., *кофе* мужского рода;

в) **ретроспективные**, исторические («так было принято говорить») – напр., *кофий*. (Об этом подробнее см.: Мыркин 1998: 29).

Норма – понятие динамическое и относительное. Поясним это на самом тривиальном примере. Возьмем цепочку синонимов: *лицо* – *лик* – *морда*. Понятно, что первое слово – общеупотребительное, второе – книжное, третье – просторечное, если, конечно, все три слова относятся к человеческому лицу. Подчеркнем: обычно не к одному и тому же. Вспомним, как у К.И. Чуковского маленькая девочка сообщает:

- Баба мылом морду моет!
 - У бабы не морда, а лицо.
- Пошла поглядела опять.
- Нет, все-таки немножко морда.

(«От двух до пяти»)

Вспомним и булгаковское замечание: «(...) что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо» («Мастер и Маргарита»). *Лицо* и *морда* плохо совмещаются по отношению к общему денотату и воспринимаются именно как альтернативы.

Итак, *морда* и *лик* – существительные стилистически отмеченные, а *лицо* – нейтральное. Однако оно нейтрально лишь в определенном значении: *передняя часть головы*. Если же мы возьмем метонимическое значение – *персона: частное лицо, официальное лицо* и т.п., - то мы войдем в сферу официально-делового стиля, для которого именно такая семантика будет нормативной.

Напротив, слово *морда*, грубо-просторечное в приложении к человеческому лицу нельзя считать нормой даже в рамках просторечного стиля – т.е. нормой для этого стиля, - т.к. нет обязательного гласного или негласного предписания называть человеческое лицо именно мордой, а не физией и т.п. По отношению к данному стилю вульгаризм *морда* **не нормативен**, а лишь **нормален, т.е. органичен**. Превратить это слово в норму нетрудно: достаточно употребить его в прямом значении по отношению к животному. И, напротив, переместив на животное слово *лицо*, мы превратим эту нейтральную лексему в высокий поэтизм, поскольку подвергнем животное антропоморфной прозопоее (человекообразному олицетворению, или, вернее, одухотворению). Таково, напр., *лицо коня* в стихотворении Н.А. Заболоцкого. *Лицо* в этом значении перестает быть нормой, но не становится аномалией. Такое словоупотребление тоже нормально, поскольку в поэзии нормально, естественно само «очеловечивание» животного.

Эти примеры демонстрируют относительность, подвижность понятий нормы и стилистической нейтральности. Отметим и то, что отклонения от норм – это не обязательно грубые нарушения последних: это и легкие, порой почти незаметные сдвиги, вариации главного значения, допускаемые или даже предполагаемые системой (ярчайший пример - полисемия). Определенно можно сказать одно: возникновение или изменение стилистического значения обуславливается переменной контекста. **Норма – явление стилистическое.**

Функции стилистики

Стилистической науке присущи следующие основные функции.

- 1) **Нормативная** – определение норм, стандартов, т.е. наиболее эффективных форм функционирования литературного языка и конкретных субъязыков.
- 2) **Дескриптивная** – описание систем языка и речи, определение выразительных возможностей языковых единиц.
- 3) **Прескриптивная** - выработка оптимальных моделей коммуникации в различных условиях.

4) **Культурная** – стилистика отбирает лучшие литературные образцы, оберегает языковую и речевую культуру общества. Борьба человека и человечества за существование – это в решающей степени борьба за информацию, которую сохраняет культура. Но «культура – не склад информации», а «гибкий и сложно организованный инструмент познания» (Лотман 1970: 6). Сущность культуры – информация. И это в том числе информация стилистическая: представления о красоте, гармонии, духовности, мировосприятии народа.

5) **Этологическая** – воспитательная, дисциплинирующая: благодаря проработке тонких языковых и речевых значений человек приучается к их тщательно-му их использованию. Он учится мыслить, привыкает уважать язык, культуру, так или иначе облагораживается, потому что, как было сказано, «стиль – это человек», и, следовательно, стилистическое – воспользуемся выражением Ф. Ницше, - это «человеческое, слишком человеческое».

Стилистика ресурсов

В.В. Виноградов выделяет три «стилистики»: языка, речи и художественной литературы (см.: Виноградов 1963: 5-6). Эта схема в целом соотносится с триадой Л.В. Щербы: речевая деятельность – языковая система – языковой материал (см.: Щерба 1974: 24-26).

Ученые традиционно выделяют **стилистику ресурсов** – дисциплину, изучающую выразительные возможности различных языковых единиц на всех уровнях. Она также называется **описательной** (или **дескриптивной**) **стилистикой**, а с некоторых пор – и **риторикой**. В 1986 г. в СССР была переведена бельгийская «Общая риторика», построенная именно как стилистика ресурсов. В той же монографии риторике дается (С.И. Гиндиным в Послесловии) определение, фактически совпадающее со стилистикой: «(...) риторика есть наука об условиях и формах эффективной коммуникации» (Общая риторика 1986: 364).

Правда, не следует забывать, что почти любому утверждению соответствует противоположное, столь же верное (Дж. Сантаяна). Предшествующая фраза означает, что риторика – дисциплина, изучающая аутентичную речь. Иными сло-

вами, она помогает человеку максимально точно и эффективно выразить собственную мысль. Но можно сказать и прямо противоположное: риторика помогает человеку эффективно скрывать свои мысли – говорить то, что нужно сказать в данной ситуации, а не то, что мы на самом деле думаем. В этой связи приведем высказывание М.Л. Гаспарова о том, что возможен и третий вариант: «Напрасно думают, что это – умение говорить то, чего на самом деле не думаешь. Это – умение сказать именно то, что думаешь, но так, чтобы не удивлялись и не возмущались. Умение сказать свое чужими словами – именно то, чем всю жизнь занимался ненавистник риторики Бахтин» (НЛО. - 1997. - № 25. - С. 442). Наблюдение замечательное, но риторика, по-видимому, подразумевает и то, и другое, и третье. Учтем, конечно, и полисемию самого слова «риторика».

Г.О. Винокур высказывался против стилистики как особой науки: «Легко было бы (...) предложить для стилистики внутреннее разделение на фонетику, грамматику и семасиологию, тем более что она, действительно, занимается всеми этими тремя проблемами. Но это было бы серьезной ошибкой, потому что (...) звук речи как стилистический факт не существует без соотнесенных с ним фактов грамматических и семасиологических. Иначе говоря, построение стилистики по отдельным частям языковой структуры уничтожило бы собственный предмет стилистики, состоящий из соединения отдельных членов языковой структуры в одно и качественно новое целое» (Винокур 1960: 317-318). Даже если автор в чем-то не совсем прав (разве языкознание как таковое – а не только стилистика – не строится так же комплексно, однако мы не отрицаем языкознания, разделенного на языковые уровни), то преувеличения такого ученого все равно оказываются плодотворными. А плодотворный смысл фразы Г.О. Винокура состоит в том, что **мало указать выразительные функции тех или иных языковых единиц**: вне контекста и вне взаимодействия данных единиц с другими любые рассуждения о стилистике ресурсов останутся схоластическими. А вот с чем нельзя согласиться – так это с ошибочностью структурирования стилистики в соответствии с языковыми уровнями. Фактически это должно означать, что не существует устойчивых значений у языковых единиц (а также добавим: и последовательностей еди-

ниц) различных уровней. Это неверно, в чем мы убедимся в дальнейшем. Более того, даже звук, как показывают исследования по фоносемантике, может обладать собственным значением – напр., эмотивным, - хотя Г.О. Винокур утверждал обратное.

Сейчас мы увидим, как одно и то же слово – допустим, «дуб» - на различных языковых уровнях изучается собственно лингвистикой и стилистикой.

Фонетический уровень

Лингвистика

Слово «дуб» состоит из трех фонем: /д, у, п2/. В слабой финальной позиции нейтрализован признак *звонкости/глухости*. Фонемы реализованы в виде аллофонов [дуп].

Д – согласный шумный звонкий парный, высокий, диффузный, недиезный, прерванный, нерезкий; переднеязычный переднеязычный, смычный взрывной, твердый парный.

У – гласный, низкий диффузный, бемольный, непрерывный; заднего ряда, лабиализованный, верхнего подъема.

П – согласный шумный глухой парный, низкий, диффузный, недиезный, прерванный, нерезкий; губно-губной, смычный взрывной, твердый парный.

Один слог, прикрытый, закрытый. Акцентный тип С1.

Стилистика

Возьмем строки Б.Л. Пастернака о младенце Христе

Он спал, весь сияющий, в яслях из *дуба*,

Как месяца *луч* в *углубленье дупла*.

Здесь используются два фонетико-стилистических приема: **фоника** (звукопись) и **анаграмма**. В основе первой лежит вторая. Базой для ассонанса (повторения гласных) и аллитерации (повторения согласных) служат слово «дуб», в котором компактно собраны опорные фонемы этого стиха, и «дупло», где добавляется сонорная /Л/, обрамляющая данные фонемы.

Лексический уровень

Лингвистика

У слова «дуб» два денотативных значения: дерево из семейства буковых (*Дуб растет*) и материал (*мебель из дуба*).

Стилистика

У того же слова есть переносное эмотивное значение: тупой, неотесанный человек (*Ну, ты и дуб!*).

Словообразовательный уровень

Лингвистика

В слове «дуб» непроезводная основа. От него можно образовать слова «дубняк», «дубовый», «дубина» (палица) и т.п.

Стилистика

С помощью суффиксов субъективной оценки от слова «дуб» можно образовать слова «дубок», «дубочек», «дубина» (дурак) и т.п., причем в последнем случае суффикс *-ин-* уже не нейтральный, а преувеличительный (срав.: *детина, домина*). Особый случай – неморфологическое (лексико-синтаксическое) образование фамилии *Дуб* в романе Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

Морфологический уровень

Лингвистика

«Дуб» - существительное I склонения (твёрдый вариант), конкретное или вещественное (если означает материал), нарицательное, неодушевленное, мужского рода, изменяется по числам (конкретное) и падежам.

Стилистика

В этом аспекте имеет значение падежный вариант *на дубу* (разговорный или народно-поэтический – напр., у П.П. Ершова:

Сидит ворон на дубу.

Он играет во дуду)

в сравнении с нейтральным *на дубе*. Кроме того, существительное «дуб» в значении «тупой человек» становится одушевленным (и тогда можно будет сказать: «*Я и раньше встречал таких дубов*», но не «такие дубы»). В свою очередь

фамилия *Дуб* становится существительным не только одушевленным, но также именем собственным.

Синтаксический уровень

Лингвистика

Со словом «дуб» можно составлять словосочетания (напр., *увидеть дуб* – глагольное объектное, связь предсказующая обязательная – сильное управление) или предложения (*Дуб растет*; структурная схема – **N1 Vf**).

Стилистика

Можно образовать односоставное номинативное предложение – *Дуб*. Его нельзя считать стилистически нейтральным, потому что «имя существительное, образующее главный член номинативного предложения, совмещает в себе в концентрированном виде образ предмета и идею его существования в плане настоящего. Отсюда богатые экспрессивные возможности номинативных предложений и широкое их использование в статических описаниях, в повествованиях для передачи быстрой смены явлений и предметов, в эмоционально окрашенной речи» и т.д. (Розенталь 1974: 201). *Дуб* может относиться и к другим стилистически значимым конструкциям: эллиптическим предложениям, именительному темы, заглавиям – художественного, научно-популярного или другого текста, словарной статьи и т.д.

Уровень текста

Лингвистика в чистом виде на этом уровне почти не представлена. Можно сказать, что вокруг слова «дуб» складываются тексты различных типов. Простейший пример – определение, иногда в сочетании с описанием: *Дуб – это дерево с широким стволом, густой кроной, резными листьями. Его плоды называются желудями* и т.д. Этот микротекст уже едва удерживается в рамках нейтральности и выйдет за них, если мы *широкий ствол* заменим *массивным* и т.п. или к *дереву* добавим: *из семейства буковых*.

Стилистика

Возьмем отрывок из рассказа Ю.М. Нагибина «Зимний дуб». Там, как известно, учительница дает задание привести примеры имен существительных.

И вдруг, *словно очнувшись ото сна, Савушкин приподнялся над партой и звонко крикнул:*

- Зимний дуб!

Ребята *засмеялись*.

- Зимний дуб! – повторил Савушкин, *не замечая ни смеха товарищей, ни окрика учительницы*. Он сказал это *не так, как другие*. Слова *вырвались из его души, как признание, как счастливая тайна, которую не в силах удержать переполненное сердце*.

Не понимая странной его взволнованности, Анна Васильевна сказала, *с трудом сдерживая раздражение:*

- Почему зимний? Просто дуб.

- Просто дуб – что! Зимний дуб – вот это существительное!

В этом микротексте дуб осмысливается не как абстрактная иллюстрация имени существительного, но как понятие, образ животворящих сил Природы. Это не дерево, а целый мир. Он особенно грандиозен и прекрасен зимой, поэтому Савушкин воспринимает его целостно, не выделяя ни «дуба», ни «зимнего». Восприятие ребенка выражается в его языке: синтаксическая единица - словосочетание «зимний дуб» - фразеологизируется, превращается в подобие слова – «существительного», как выразился Савушкин. Сказал он это, конечно, неправильно, даже с окказиональной точки зрения: здесь преобразование происходит не на грамматическом, а на семантическом уровне. «Зимний дуб» - не существительное точно так же, как «выводить на чистую воду» - не глагол. Кроме того, в процитированном тексте подробно характеризуется отношение разных людей к сочетанию «зимний дуб»: энтузиазм, непонимание, раздражение – но в любом случае не равнодушие, чем подчеркивается неординарность примера.

Итак, мы видим, что стилистика и лингвистика не дублируют друг друга. Они базируются друг на друге, используют материал и методологию друг друга, но у каждой из них есть и своя специфика, свои закономерности, свои устойчивые функции языковых единиц. Таким образом, стилистика ресурсов как самостоятельная дисциплина возможна. Сделаем только одно уточнение: согласно концепции Ю.М. Скребнева, изложенной в «Очерке теории стилистики» (Горький, 1975), ее объектом должны быть не только единицы, но и *последовательности* – напр., аллитерация, ассонанс, инверсия и др.

Разделы стилистической науки. Методы стилистического исследования

Помимо уже названной *стилистики ресурсов*, стилистическая наука включает в себя ряд смежных с ней дисциплин. *Это функциональная стилистика*, чье название говорит само за себя, *практическая стилистика* - занимающаяся вопросами преподавания, а также литературного редактирования (из новейших учебных пособий такого рода выделим: Москвин 2000), *индивидуальная стилистика*, изучающая как язык писателей, так и языковую манеру любого человека – напр., при проведении разнообразных экспертиз для определения автора того или иного документа. *Сравнительная стилистика* относится главным образом к переводоведению – она служит методологической основой теории художественного перевода. Важной научной дисциплиной является *стилистика художественного текста*, или *стилистика декодирования*.

В рамках **практической стилистики** изучается методика преподавания этой дисциплины. Иерархический принцип соблюдается и в данном случае: ведь в школе стилистические упражнения входят в конкретные разделы, такие как «Фонетика», «Лексика», «Словообразование», «Морфология», «Синтаксис». Необходимо, чтобы ученики не только поняли строение русского языка, но также уяснили тонкости значений и употребления различных единиц и их категорий. Это еще более важно для студентов. Вот, например, упражнение по категории рода существительных:

Проследите за употреблением слов *поэт* и *поэтесса* в применении к женщинам. Сделайте вывод об использовании этих слов.

1. Писательница Н. Ильина рассказывает: «На мой вопрос, как она (Анна Ахматова) относится к стихам одной поэтессы, сказала: «Длинно пишет. Все пишут длинно. А момент лирического волнения краток». (Она терпеть не могла, когда ее называли «поэтессой». Гневалась: «Я - поэт»).

(...) IV Критик Ал. Михайлов, рецензируя сборник стихов узбекской поэтессы Зульфийи, использует оба слова (и поэт, и поэтесса).

«Книга «Избранное», прекрасно оформленная, уже одним своим видом привлекает читателя. Мне лично она впервые так объемно, так многогранно и в то же время так внутренне цельно раскрыла мир замечательного поэта...

Лирика Зульфийи многотемна. Листая страницы «Избранного», догадываешься, как и чем жила поэтесса все уже послевоенные годы».

Иванова В. А., Зелинская Н. И. Практические занятия по словообразованию и морфологии: Уч. пос. / Под ред. Н.М. Шанского. - Кишинев, 1987. - С. 42-43.

В этом упражнении хорошо показана гармоническая взаимосвязь различных языковых уровней: морфологического, словообразовательного и лексико-семантического. Можно указать и другие: синтаксический (потому что употребление слов «поэт» и «поэтесса» имеет смысл только в контексте предложения) и орфоэпический: в слове «поэтесса» Т произносится твердо, вопреки орфографии; в слове «поэт» [о] может подвергаться качественной редукции, когда имеется в виду профессия (если бы А. Михайлов не писал статью, а произносил речь), или не подвергаться, когда слово «поэт» означает призвание (Ахматова о себе). В предложении IV слова «поэтесса» и «поэт» означают примерно одно и то же: род занятий, но второе звучит более возвышенно («замечательный поэт» - мастер своего дела, высокий умелец). Слово «поэтесса» в I тексте вряд ли употреблено в ироническом значении (дама, развлекающаяся сложением стихов). Наверное, она талантлива, имеет заслуженный успех, но еще не поднялась до Поэзии в высшем смысле (не только профессии, но и образа жизни).

Кроме того, практическая стилистика изучает и другие виды деятельности - например, редактирование.

Предмет **индивидуальной стилистики** - художественное своеобразие личности (чаще всего писателя, но, в принципе, изучаться может индивидуальная речевая манера любого человека). Слово «своеобразие» точно раскрывает существо дела: имеется в виду не оригинальность, новизна автора (ее может и не быть), а то, из чего складывается его собственное лицо. Вообще слово «оригинальность» нужно употреблять особенно осторожно, в самых ярких случаях, действительно редко встречающихся, а лучше обходиться без него. Оригинальность всегда относительна. Только слабое знание культуры и плохая память позволяют нам говорить по поводу какого-либо автора, что так больше никто не писал, не употреблял таких приемов. Оригинальность проявляется на фоне современников писателя, его близких предшественников, хорошо ему известных авторов. Разумеется, стиль писателя мы тоже исследуем на разных уровнях.

На стилистике декодирования мы остановимся в конце Введения.

Из главных методов стилистического исследования назовем прежде всего **общетекстовой анализ**: определение целенаправленности текста, его информационной структуры, композиции, лексико-синтаксических средств его организации, образности, эмотивной окрашенности.

Очень важен метод **стилистически дифференцированного анализа**. Последний отвечает на три вопроса: нейтрален или стилистически маркирован текст, моно- или полистилистичен и проявляется ли в нем индивидуальность автора. При детальном стилистическом анализе определяются: тип речи, к которому относится текст, функциональный стиль, литературный стиль, индивидуальный стиль, тон речи (торжественный, официальный, интимно-ласковый, шуточный, иронический, пренебрежительный и др.). Собственно стилистические элементы полезно разграничивать с эмоционально-стилистическими. Основой стилистической дифференциации является **словарная работа**. Выявленные стилистически значимые элементы (далее они будут называться **стилемами**) распределяются по трем параметрам:

1. статистическому (количественное соотношение нейтральных и стилистически маркированных единиц);
2. структурно-композиционному (размещение и особенно концентрация стилем в тексте);
3. функциональному (роль стилем в данном произведении).

Конечно, это распределение оптимально, если мы анализируем небольшой текст.

Метод *вариативной работы* состоит, во-первых, в изучении доступных исследователю материалов, относящихся к данному произведению – списков, черновиков, дневниковых записей, статей (напр., «Как делать стихи» В.В. Маяковского); во-вторых, в использовании синонимических замен (Ш. Балли), когда вместо стилемы подставляется нейтральный вариант - или просто другой, - а затем оцениваются возникшие изменения. Напр., в уже упомянутой строке М.Ю. Лермонтова «*из пламя и света*» можно попытаться заменить «из пламя» на что-то другое – *из пламени, из огня* (с ударением на первом слоге) – и объяснить, почему лермонтовский вариант все же предпочтительнее.

Метод *микротем (микрообразов)* «состоит в выявлении того комплекса языковых средств различных уровней со всеми их стилистико-смысловыми нюансами, который (комплекс – А.Ф.) служит выражению (и созданию) данного микрообраза в системе образной мысли писателя» (Кожина 1977: 16). Автор этих строк дает пример такого анализа в своем учебном пособии «Лингвоэстетическое толкование литературного произведения», анализируя роман В.Н. Войновича «Приключения Ивана Чонкина» сквозь призму зооморфной образности, в рамках которой выделены микротемы, в частности: *человек и лошадь*. Этот метод удобен при работе с большими по объему текстами. Если мы выбираем темы и образы, типичные для данного автора и узловые для данного произведения, достаточно подробно рассмотреть их, чтобы понять все самое главное о тексте.

Наконец, выделим еще метод *сравнительно-стилистического анализа*, чаще всего применяемый в работах по переводоведению. Классический образец

его дан в статье Л.В. Щербы «Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом» (см.: Щерба 1957).

Понятие о стилистике декодирования

Стилистика декодирования – то же самое, что и стилистика художественной литературы, только рассмотренная под особым углом зрения. Логика подсказывает нам, что адекватное представление о литературном произведении можно получить только в том случае, если мы подробно изучим все обстоятельства его появления, проработаем черновики и др. документы автора и его современников. Это мнение выглядит самоочевидным, и, действительно, ценность такого подхода к тексту для истории литературы не вызывает сомнений. Исследования в этой отрасли филологии ведутся именно так. Лингвоэстетическая дисциплина, базирующаяся на этом принципе работы с текстом, называется *стилистикой кодирования*.

Однако ее методологию абсолютизировать не стоит. Во-первых, при всей своей «материальности», она не всегда достоверна: нет гарантий, что сохраняются все необходимые документы, что их авторы объективны, что писатель адекватно и полно выразил свои намерения (он может фиксировать в рабочем дневнике только то, что боится забыть и т.д. – вплоть до неполного понимания или сознательного искажения собственного замысла). Но суть дела даже не в этом. Во-вторых, художественный текст, предназначенный для опубликования, изначально пишется с учетом того, что читатели не обязаны знать биографию автора и обстоятельства появления данного произведения. В самом тексте должна содержаться информация, достаточная для его полного и адекватного понимания. И стилистика декодирования выявляет именно эту информацию, которая не зависит от внешних по отношению к тексту обстоятельств, – правда, делая поправку на историческую стилистику: нужно знать, каковы были языковые, эстетические и др. стандарты эпохи, в которую появился текст. Стилистика декодирования изучает лингвоэстетику текста, исходя из него самого. Далее мы будем излагать основные по-

нятия этой дисциплины по одной из монографий И.В. Арнольд, приводя, конечно, собственные примеры.

Главное из этих понятий – *выдвижение*, под которым подразумеваются «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного или чаще разных уровней» (Арнольд 1990: 63). Возьмем для иллюстрации миниатюру замечательного поэта-примитивиста Н.И. Глазкова:

В созвездья линзами двоякими
Труба смотрела Галилея.
В страну, открытую варягами,
Плыла Колумба корабля.

В страну открытую, забытую –
Таков удел любых Америк,
А старый мир стал картой битой,
Наивной картой Птоломея.

Язык стихотворения довольно ярок, здесь почти все останавливает наше внимание, и прежде всего:

- а) *варяги* вместо *викингов*;
- б) окказиональное слово *корабля* (вероятно, каравелла);
- в) повторение *в страну открытую*;
- г) символизация (благодаря множественному числу) *Америк* (*Америка* здесь – контекстуальный синоним слова *открытие*);

д) **контаминация** (наложение) значений повторяемого слова *карта* – игральная и географическая. Повтор в строках 7 и 8 можно квалифицировать как осложненный **анадиплосис** (подхват).

В двух первых строках тоже есть выдвигения:

а) изменение прямого (или даже просто нормального) порядка слов: детерминант, **инверсия** в первой строке, произвольный порядок слов во второй;

б) **прозопопея**, т.е. «очеловечивание», *трубы*, которая *смотрит* в созвездья.

Эти выдвигения не столь ярки, как названные ранее. Похоже, что автор концентрирует наше внимание не на первых строках, а на следующих за ними, где расхождение с узусом резче, т.е. эти следующие строки, по-видимому, важнее – возможно. В них заключена концепция текста.

Уже перечисленные выдвигения подкрепляются другими, факультативными. Это

а) созвучие окказионального слова *корабля* с именем Колумба: **Колумба корабли/j a/**;

б) инверсия в этом словосочетании;

в) постанова *кораблей* в позицию рифмы знаменательна сама по себе, но еще показательнее, что эта рифма – сквозная;

г) слово *Америк* нарушает гармонию в этом сквозном ряду, и только по *карте Птоломея* мы судим о том, что рифма остается той же;

д) повторение конструкции о стране открытой усилено внутрисклонной рифмой: *в страну открытую, забытую* – этой внутренней рифмой как бы компенсируется внешняя арифмия, возникающая из-за формы *Америк*;

е) **контаминация** значений *карты* усилена прозопопеей – **эналлагой (наивной картой Птоломея)**;

ж) мир как *битая карта* – это **метафора**, т.е. тоже выдвигение;

з) звукописный повтор **старый мир стал** подчеркивает содержащуюся в этой строке семантику перехода, видоизменения, метаморфозы.

Итак, двумя рядами приемов (первый ряд усиливается вторым) «выдвинуто» содержание, связанное скорее с Колумбом, нежели с Галилеем. Первооткрывателем в подлинном смысле слова был Галилей, но не Колумб. Глазкова явно больше притягивает более сложная – парадоксальная – ситуация: не просто

открытие, а переоткрытие, т.е. *не* открытие. Поэт, который вскоре после написания этого стихотворения констатирует: «На творителей и вторителей мир разделен весь», и чьи симпатии на стороне первых, сейчас больше думает о превратностях судьбы: забываются первооткрыватели и открытия, лавры достаются другим и т.д. По сути дела, эти восемь строк – тоже о «творителях» и «вторителях», а вовсе не о первооткрывателях. Но разумная работа Истории все же совершается, и для этого нужны и те, и другие – условно говоря, и Колумбы, и Галилеи. Конечно, можно уточнить, что схема не так элементарна: и Галилей был не первым, а подтвердил концепцию Коперника, и Колумб открыл вовсе не ту страну, что открыли «варяги». Кроме того, судя по всему, Глазков полагал, что Птоломея опроверг не только Галилей, опровергнувший геоцентрическую картину вселенной, *но и Колумб*. Похоже, по Глазкову, Птоломей считал землю плоской, как изображение на игральной карте, - и эта «наивная» карта была «бита» Колумбовым открытием Западного полушария. На самом деле Птоломей знал о шарообразности Земли, хотя и считал последнюю центром вселенной. Реальные представления Глазкова об истории науки были гораздо «наивнее», чем карта Птоломея. Однако признаем другое: при чтении стихотворения мы хорошо понимаем, *что* имеет в виду автор, и не замечаем этих явных нелепостей. Мысль автора ясна: и первооткрыватели, и «переоткрыватели» необходимы, и совместными усилиями они изменяют мир. Именно мир, а не только представления о нем!

В тексте есть и другие «выдвижения»:

- 1) разрыв континуальности, т.е. причинно-следственной связи, между событиями: Галилей предшествует Колумбу или они действуют параллельно друг другу – автор *словно забывает*, как было на самом деле; между событиями устанавливаются иные соотношения: с точки зрения вечности, всё «одновременно»;
- 2) тенденция к перифразам (распространенным и неточным названиям вместо конкретных слов): труба с «двойными» линзами – вместо телескопа, забытая страна, открытая варягами, – вместо Америки;

- 3) тенденция к деноминации, т.е. замене имен гиперонимами (словами, более широкими по значению): *созвездья* – а не Млечный путь, *варяги* – а не Эйрик Рауди и Лейф Эйриксон, *корабля* – а не «Санта-Мария». **В итоге должно создаваться впечатление неотчетливости, неопределенности, незнания – т.е. того, с чем борются Колумбы и Галилеи. Они вглядываются в эту неотчетливость сквозь «двойки» линзы.**

На определение «двойки» обратим особое внимание, потому что в нем, по видимому, сосредоточен смысл стихотворения, т.е. это ключ к тексту. На первый взгляд, слово «двойки» так же неопределенно, как и другие слова: *созвездья*, *варяги*, *корабля*, *страна* (добавим еще *кораблем* и *варягов*: Глазков будто *забыл*, какие слова нужно употреблять на самом деле). Действительно, какие линзы имеются в виду: двояковыпуклые или двояковогнутые? Глазков как будто уходит от конкретности, а на самом деле вводит ее: в телескопе Галилея были и те, и другие линзы, так что они могут называться двойками в *буквальном* смысле слова. В самом начале стихотворения Глазков употребляет знаменательное слово: оно *двойственно*, внутренне противоречиво – неопределенно и точно одновременно, т.е. в одном своем значении неопределенно, в другом – точно. Это слово олицетворяет собой борьбу с непонятным и неотчетливым, оно будто наводит фокус на свою семантику. В каком смысле двойки – выпуклые или вогнутые? – В обоих смыслах.

Слово, употребленное в начале стихотворения, задает тон ему всему. Вся форма этого текста иллюстрирует его главную тему – ***прорыв человечества к знанию сквозь незнание и забвение, неотчетливость*** (см. также нарушения порядка слов) ***и неуверенность***. И в конце текста преодоление хаоса кристаллизуется в четкой структуре композиционного кольца:

В созвездья линзами двойками

Труба смотрела Галилея... -

- ...А старый мир стал картой битую,

Наивной картой Птолемея.

Четкость этой конструкции реализуется в нескольких текстовых параллелях: *Галилея – Птоломея; созвездья – мир*, двусмысленное слово *двоjkими* – двусмысленное слово *карта*, кроме того, дважды повторенное.

Строки, говорящие о мироздании, объемлют центральную часть текста, посвященную земле, - в этом тоже проявляется обретенная в итоге гармоничность формы стихотворения.

Основные функции выдвижения:

1) оно устанавливает иерархию значений, выделяя наиболее важные смысловые фрагменты текста;

2) обеспечивает его *целостность и связность*;

3) *защищает* сообщение *от помех*, облегчает декодирование, создавая упорядоченность информации, благодаря чему читатель может расшифровывать неизвестные прежде элементы кода;

4) образует *эстетический контекст* и делает текст *экспрессивным* (см.: Арнольд 1990: 63).

Все это мы найдем, анализируя текст Глазкова.

При выдвижении возникают определенные эстетические эффекты, прежде всего – *обманутого ожидания* и *конвергенции*. Под последним подразумевается «схождение в одном месте пучка стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» (Арнольд 1990: 64). В стихотворении Глазкова мы наблюдали это явление неоднократно (в частности, когда речь шла о привлечении дополнительного внимания к необычному слову *корабля*: за счет звукописи, инверсии, рифмовки).

Эффект обманутого ожидания возникает чаще всего при нарушении ритма, когда автор многократно повторяет какой-то элемент текста и читатели настраиваются на то, что он будет появляться с определенной регулярностью до конца произведения, - и вдруг обнаруживают неожиданное отступление от схемы, к которой они успели привыкнуть. Возьмем, напр., уже упомянутое стихотворение Б.Л. Пастернака «Рождественская звезда».

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы,

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

Здесь применен прием, который называется *полисиндетон* (т.е. *многосоюзие*). Повторяемое местоимение *все* относится к однородным подлежащим, но в предпоследней строке это уже не местоимение, а усилительная частица *всё*, которая относится к совершенно другому предложению. Здесь происходит разрыв базовой синтаксической единицы, в которой обозначаются контуры наступающей христианской эры: старый мир, уходящий в прошлое, напоминает о себе. Он не сдастся без боя.

Эффект обманутого ожидания может проявляться и по-другому. В том числе и парадоксальным образом: через *сбывшееся ожидание при изменении контекста*. Возьмем для примера стихотворение Глазкова «Ворон»:

Черный ворон, черный дьявол,
Мистицизму научась,
Прилетел на белый мрамор
В час полночный, черный час.

Я спросил его: - Удастся
Мне в ближайшие года
Где-нибудь найти богатство?
Он ответил: - Никогда!

Я сказал: - В богатстве мнимом

Сгинет лет моих орда.

Все же буду я любимым?

Он ответил: - Никогда!

Я сказал: - Пусть в личной жизни

Неудачник я всегда.

Но народы в коммунизме

Сыщут счастье? – Никогда!

И на все мои вопросы,

Где возможны «нет» и «да»,

Отвечал вещатель грозный

Безутешным: - Никогда!

Я спросил: - Какие в Чили

Существуют города?

Он ответил: - Никогда! –

И его разоблачили.

Когда автор этого учебного пособия впервые прочел «Ворона» Э. По, он был основательно удивлен: зачем персонаж, страдающий от повторения сакраментального *Nevermore!* (*Больше никогда!*), упорно задает инфернальной птице вопросы, провоцирующие этот ужасный ответ? (Тогда я еще не знал, что такое «мазохизм»). Та же мысль, конечно, приходила в голову многим, в том числе и Глазкову. Он не склонен к мистике и смеется над стремлением людей творить себе кумиров из того, что им непонятно. Глазков тоже провоцирует ответ «Никогда!», особенно - задавая свой последний вопрос: о городах Чили, и здесь его ожидание *не* обманывается. Но в целом эффект обманутого ожидания возникает – разумеется, у читателя, а не у поэта. Для эффекта обманутого ожидания нужно нарушения ритма, а ритм создается не только повторяющейся строкой «Он ответил: - Никогда!» (она сохраняется до конца), но и другими факторами, которые автор в фи-

нале видоизменяет. Прежде всего становится иным контекст вопрошания: последний вопрос уже исключает ответ «Никогда!». Кроме того, меняется схема рифмовки: перекрестная - на кольцевую. В итоге ответ ворона теряет свою выразительную силу: он перемещается в предпоследнюю строку и уже не венчает строфу. Он перестает звучать заключительным «роковым» аккордом, последнее слово уже не остается за вороном.

Эффект обманутого ожидания может создаваться и по-другому. У Глазкова есть миниатюра военных лет:

С фашистскою *гидрой* повсюду

Идет *справедливая битва*.

А Гитлер похож на посуду,

Которая *будет разбита*.

Эффект оригинальности возникает на фоне крайней заштампованности текста (пропагандистские клише выделены курсивом). Глазков с энтузиазмом воссоздает лозунги и штампы, и без того растиражированные. Они не отталкивают его, а, напротив, вдохновляют на неординарное сравнение Гитлера с посудой. Клише порождают поэзию – это, пожалуй, самый неожиданный эффект данного стихотворения, олицетворяющего желание поэта в тяжелое для его страны время слиться с народом, с массой, думать, чувствовать и говорить, «как все», - но не теряя собственного голоса. Он и говорит, «как все» - но чуть-чуть по-своему.

II. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ

Функциональный стиль – это разновидность национального языка, обусловленная сферой его употребления. Исходя из такого определения, следует обратить внимание на следующее: во-первых, речь идет именно о национальном (в данном случае русском), а не литературном (т.е. дистиллированном, очищенном от нюансов) языке; во-вторых, функциональный стиль - это «язык в миниатюре»: он так же устойчив и так же иерархически структурирован.

Традиционно выделяются 5 сфер употребления национального языка: наука

(и шире: профессиональная деятельность), делопроизводство, публицистика, высокая поэзия и непринужденное бытовое общение. Первым 4 областям человеческой деятельности соответствует книжная речь (стили: научный, официально-деловой, публицистический, высокий), последней - разговорная речь (просторечный стиль). Существует также нейтральная форма речи, не связанная ни с каким определенным функциональным стилем.

Одной из важнейших в стилистике считается проблема *проницаемости*. Даже в лучших учебных пособиях (например, Д.Э. Розенталя, М.Н. Кожинной и др.) говорится о *межстилевых* элементах (в частности, «общекнижных» словах). Тем не менее, на самом деле достаточно грамотный носитель языка чувствует, что есть *общеупотребительные* (нейтральные) единицы, но если какой-то элемент отмечен стилистически, то он относится к *определенному* стилю. Читая незнакомый текст, человек обычно без колебаний связывает его с научной, публицистической или какой-нибудь другой сферой, но не склонен квалифицировать его как «промежуточный» (эксперимент А.Я. Шайкевича – Скребнев 1975: 55). На этом основании Ю.М. Скребнев выдвигает принципиально важный тезис: «Стиль есть понятие дифференциальное: он представляет собой совокупность дифференциальных признаков, а не всех признаков вообще» (Там же).

На первый взгляд, такое понимание стиля узко: ведь любому носителю языка известны многочисленные примеры языковых единиц, которые одинаково органичны для различных речевых сфер. Например, слово «деградация» возможно в разных контекстах: научном («деградация почвы»), публицистическом («деградация общества потребления», «моральная деградация») или официально-деловом (агроном в отчете констатирует деградацию почвы в результате нерациональной мелиорации). Однако мы чувствуем, что, несмотря на его органичность во всех трех случаях, существует контекст, *предпочтительный* для данного слова: научный. В другие стили оно *проникает*, вписывается, но эти контексты для него вторичны.

Языковые элементы могут быть сходными, но разностильными, как, например, метафора зеркала. «Глаза - зеркало души» - принадлежность высокого стиля, а «литература - зеркало жизни» - черта публицистическая, равно как «Лев Толстой - зеркало русской революции». Публицистическая метафора - не просто поэтизм, украшение текста: ее роль состоит в том, чтобы через запоминающийся образ передать главную идею текста (в данном случае: обусловленность литературы жизнью). Мы безошибочно отличаем публицистические метафоры (другой пример: «акула империализма») от поэтических (срав. у М.И. Цветаевой:

С акулами равнин

Отказываюсь плыть –

Вниз - по течению спин)*.

Первые прежде всего идеологичны, общепонятны и малочисленны: обычно статья или речь оратора строится вокруг одного яркого образа. Недаром и художественные тексты, тяготеющие к политической тематике, не изобилуют метафорами, тем более необычными, т.е. сближаются с произведениями публицистического стиля (напр., «Анчар» А.С. Пушкина, «Стихи к Чехии» М.И. Цветаевой).

Ю.М. Скребнев ставит важнейшую задачу предельно остро: до сих пор стилисты интересовались тем, *как пишут или говорят* ученые, публицисты, поэты, чиновники и частные лица; теперь необходимо четко *разграничить* функциональные стили. Например, план научно-исследовательской работы Академии Наук - официальный документ, в котором богато представлена разнообразная терминология, но и термины не входят в официально-деловой стиль и сам этот план не превращается в научное исследование, т. е. рамки между стилями остаются.

Еще более яркий пример - автореферат диссертации. С одной стороны, его содержание научно, с другой - это документ, оформленный согласно строгим

* И дело не только в том, что «акула империализма» - устойчивый штамп, а «акулы равнин» - поэтический неологизм, тем более что неологизмы возникают и на основе первого из них: *акулы социализма, акулы бизнеса, акулы рынка, акулы наркомафии* (Русский язык конца XX столетия 2000: 59). Эти метафоры мы также не примем за художественно-поэтические: само их устройство этого не допускает.

правилам. Автореферат относится к официально-деловому стилю, а не научному. Это отчетный документ того же типа, что и заключение диссертационного совета по диссертации, только значительно более развернутый. Тематика, содержание, терминология и другие формальные черты не превращают его в научное произведение, каковым является сама диссертация. С другой стороны, и диссертация строится по определенным четким канонам ГОСТа и сама служит отчетным документом (особенно показателен титульный лист: указание специальности, пометка «*На правах рукописи*» и, наконец, подпись автора), но элементы официально-делового стиля не переводят диссертацию в этот стиль из научного.

Таким образом, нужно различать функциональные стили (ФС) и нечто более узкое, что мы назовем функциональными *диалектами* (ФД). Функциональный стиль - это устойчивая система выразительных средств, обусловленных социальной сферой употребления национального языка. В состав ФС входят общеязыковые и межстилевые элементы: его особенность в данном случае заключается в том, *какие из этих единиц* он отбирает, а какие отбрасывает. Функциональный диалект - та часть функционального стиля, которая типична *только* для него.

А теперь рассмотрим конкретные ФС и ФД. Ограничимся лишь наиболее типичными признаками, учитывая, что Д.Э. Розенталь охарактеризовал ФС почти исчерпывающе.

Выбор ФС определяется следующими социальными факторами:

1) характером отношений, в которые автор вступает, взаимодействуя с обществом (другими людьми или государством);

2) состоянием общественного сознания: идеологией, научным мировоззрением, этикой, традициями, поведенческими стереотипами, эстетикой и т. д.;

3) адресатом - частным лицом, коллективом, государством, человечеством, миром;

4) целевой установкой автора;

5) личностью автора - и как индивидуальностью, и как пересечением общественных отношений (классовое, национальное сознание, культурный уровень, социальный статус, референтная группа и др.);

6) темой,

7) каналом связи.

В античной схеме «трех стилей» («колесо Вергилия») учитывались многие из этих критериев, но тематика явно преобладала. Она определяла язык и образность произведения. Например, «Энеида», безусловно, относится к высокому стилю. Ее действие происходит, в частности, в городе и в военном лагере. Типичные для высокого стиля растения - кедр и лавр, животные - конь, оружие - меч.

Тема, по-видимому, как и в античные времена и эпоху классицизма, остается основополагающим принципом выбора ФС, затем подключаются и другие (особенно целеустановка, адресат и социально узаконенные модели выражения). Кроме того, как явствует даже из приведенного примера, стилистические *нормы динамичны*: то, что недопустимо в данную эпоху, может войти в употребление впоследствии; возможно и обратное.

Научный ФС

Сферы использования - теоретическая и прикладная (лабораторные условия, производство) научная и вообще любая *легальная* профессиональная деятельность (напр., уголовники часто бывают изошренными профессионалами, но воровской жаргон, разумеется, не относится к научной книжной речи; впрочем, к разговорной речи, к просторечному ФС - тоже). Формы контакта - прямая и опосредованная (прежде всего книгами и т. п.). Формы речи - устная, письменная, печатная. Преобладают разновидности речи: печатная монологическая (жанры: монография, статья, диссертация, учебное пособие), письменная монологическая (реферат, рецензия), устная монологическая (доклад, лекция).

Субстили (частные разновидности ФС): собственно научный, дидактико-научный, научно-популярный; научно-философский; профессиональный.

Языковые признаки:

а) *Фонетические* - в иноязычных словах:

- тенденция к произнесению предупредных О, Э без качественной редукции: стиль *pOkOko, cЭмантика**;

- тенденция к отсутствию палатализации согласных перед /Э/: *pЭгРЭсс, ДЭТЭктор**;

- имитация исконного произношения - особенно воспроизведение среднеевропейского I в музыкальных терминах*: *allegro, largo, lento* то же самое можно сказать и об иноязычных терминах (напр., филологических:

фр. *recit* текст рассказа

фр. *enjambement* в стихотворении: выход части

предложения за пределы строки

contre-rejet в предыдущую

rejet или последующую строки

нем. *Vorgeschichte* экспозиция литературного произведения)

и фамилиях* - *Saussure, Sechehaye, Meillet, Bally* т.е. Соссюр, Сеше, Мейе, Балли. Впрочем, это можно воспринимать и как элемент жаргона ученых.

Слова произносятся четко, правильно (возможны только акцент и индивидуальные речевые дефекты - картавость, заикание, грассирование и т.п.).

Интонация главным образом повествовательная невосклицательная.

б) *Лексические*.

Словарный состав ограничен (не количественно, а качественно: лексикон может быть богатым, но однотипным). Лексика узкоспециальная* и общеупотребительная (все остальное - диалектизмы, жаргонизмы и т.п., вплоть до мата, возможно только в качестве объекта изучения). Фразеология в основном терминологическая (*прогрессивная ассимиляция, научно-техническая революция, пассионарное поле* и т.п.).

Высок удельный вес заимствованных слов греческого (*филология,*

метафора, амфибрахий; этнология, акматическая фаза и др.), латинского (ассимиляция, коррекция, рецепция, функция и др.) происхождения или из других языков (текст, дискурс, актант, нарратор и др. - для филологии).

Крайне нежелательна полисемия, не поощряется синонимия. Мысли должны быть выражены максимально ясно, точно и поняты однозначно. Зато в науке могут использоваться художественные образы, метафоры, помогающие уяснить сущность явления: «демон» Максвелла; «черный ящик»; «плазменный шнур» П.Л. Капицы; «королевский крокет» (из сказки Л. Кэрролла) как образ энтропии в трудах Н. Винера; этнические «симбиоз» и «химера» в сочинениях Л. Н. Гумилева и мн. др. Когда ученый открывает нечто действительно необычное, новое, метафоры помогают ему выразить свою мысль.

в) Морфологические.

Существительные преобладают над глаголами. Из существительных превалируют конкретные и абстрактные.

Единственное число, как правило, выступает в плюральном значении – в описательных и определительных текстах:

Легенда потому и представляет собой исполненное поэтической силы воспоминание о событиях далекого прошлого, что она неизменно сосредоточивается на их человеческом смысле. На смысле, который раскрывается в акте переживания события вовлеченными в него людьми.

Ю.Н. Давыдов. Этическое изменение личности.

(Подчеркнутые сплошной чертой слова могут быть поставлены во множественном числе; в словах, выделенных курсивом, содержится семантический оттенок множественности). Сингуляризация множественного числа грамматически оформляет абстрактность научного мышления: нечто единичное воплощает в себе все подобные явления: факты, процессы, вещи.

У прилагательных в научном ФС качественность проявляется меньше, чем относительность (это не то же самое, что качественных прилагательных меньше, чем относительных). Формо- и словообразовательные возможности качественных

прилагательных здесь ограничиваются (т.е. не всегда можно образовать краткие формы, сравнительные степени, формы субъективной оценки, редупликаты, антонимы с НЕ-, наречия на -О и -Е), что говорит о сближении с относительными, а нередко и о переходе в этот разряд: напр., «гладкая бумага» - «гладкие мышцы». Прилагательные при этом могут приобретать терминологическое значение и становиться частью фразеологического сочетания: «гладкие мышцы» - не «ровные», а «не имеющие поперечной исчерченности» (собственная семантика прилагательного утрачивается). Часто используются адъективы - причастия, перешедшие в прилагательные. Вот типичный текст:

КАМФОРА. С медицинской целью применяют *правовращающую натуральную* камфору, добываемую из камфорного дерева (...) либо *синтетическую левовращающую*, получаемую из пихтового масла, либо камфору рацемическую*. Белые кристаллические куски, или *бесцветный кристаллический* порошок, или *спрессованные* плитки с кристаллическим строением, легко режущиеся ножом и слипающиеся в комки. Обладает *сильным характерным* запахом и *пряным, горьким*, затем «*охлаждающим*» вкусом. Мало растворима в воде, легко - в спирте, эфире, хлороформе, жирных и эфирных маслах.

М.Д. Машковский. Лекарственные средства

Сплошной линией подчеркнуты относительные прилагательные, курсивом набраны - качественные, жирным шрифтом - прилагательные причастного происхождения. Несколькими способами выделены прилагательные, перешедшие в другой разряд или колеблющиеся между различными разрядами. Формально относительных прилагательных не больше, чем качественных (хотя в языке, т.е. в СРЛЯ, преобладают именно первые), однако значительно ослаблена качественность - т.е. *переменность* признака. Ученый ориентируется на то, что стабильно. Например, «кристаллический» в данном тексте значит: «*твердый*», причем не столько «*жесткий*», сколько «сохраняющий свою форму», т.е. в этом значении прилагательное фактически является относительным.

Можно говорить о преобладании в научном ФС форм несовершенного вида

* Т.е. «равновесную» по своей молекулярной структуре.

у глаголов, а также о превалировании настоящего времени, которое употребляется в неопределенном значении: неактуальном «*Волга впадает в Каспийское море*», «*Земля вращается вокруг Солнца*» - указание на общее свойство предмета вне связи с моментом речи) или абстрактном («*Имена собственные пишутся с прописной буквы*» = «всегда следует писать»), предположительном («*Я не вбираю «ты» в себя, - я, напротив, сам вступаю в него*». С.Л. Франк. *Непостижимое*). Иногда настоящее время употребляется вместо прошедшего (особенно в исторических и литературоведческих трудах). В философских сочинениях мы то и дело читаем: «*Сократ говорит*», «*Марк Аврелий пишет*», «*Декарт утверждает*», «*Кант полагает*», «*Гегель учит*» и т.п., хотя все они давно умерли. Настоящее время как бы оспаривает этот факт, воскрешает их: эти люди живут в своих книгах или идеях (как Сократ, от которого и книг не осталось).

Типичной чертой научного ФС можно считать пассивный залог, выражаемый постфиксом (или суффиксом - у деепричастий) -СЯ или страдательными причастными формами (напр.: «*химическое состояние наружной коры нашей планеты, биосферы, всецело (...) находится под влиянием жизни, определяется живыми организмами*». В.И. Вернадский. «*Геохимическая энергия жизни в биосфере*»; (...) *миграция атомов, производимая организмами, но генетически непосредственно не связанная с вхождением или прохождением атомов через их тело*". В.И. Вернадский. *Эволюция видов и живое вещество*).

г) Словообразовательные

В научном ФС используются иноязычные префиксы и префиксоиды А - («не»: *асистемный*), АМБИ-* («меж»: *амбивалентность*), АМФИ-* («между»: *амфибия*), АНТИ- («против»: *античастица*), АРХИ-* («сверх»: *архисема*), АЛЛО-* («подобие»: *аллотропия, аллофон*), ДЕ(3)- («ликвидация»: *дегазация, дезактивация*), ИЗО-* («равный»: *изоколон*), ИМ-* («в»: *имплантация*), ИМ//ИН-* («не»: *имморализм, инвариантный*) ИНТЕР- («между»: *интертекст*), ИНТРО-* («в», «внутри»: *интродукция*), КВАЗИ-* («лже-», «почти»: *квазичастица*,

к*вазиоптика*), КАТА-* («распад»: *катаболизм* – т.е. диссимиляция), КО-* («вместе»: *координация*), КОН-* («совместность»: *конфиксация*, т.е. префиксально-суффиксальный способ словообразования), МЕГА(ЛО)-* («крупный, огромный»: *мегаспора, мегалополис*), МЕТА-* («между», «через»: *метагалктика, метаболизм*), МАКРО-* и МИКРО- («большой» и «малый» - *макромир, микромир*), О+ согласный (какое-то отношение к «другому» *окказиональность, оппозиция*), ПАН-* («все-»: *пантеизм*), ПАРА-* («около»: *парадокс, паралингвистика*), ПОЛИ-* («много»: *полигамия*), ПОСТ-* («после»: *постмодернизм*), ПРЕ // ПРО-* («перед»: *препозиция, префикс, прогностика, программа*), ПРОТО-* («первенство»: *протозоология* - изучает простейших животных), ПСЕВДО- («лже» - *псевдоголос*), РЕ-(«вновь»: *регенерация*), СИН-* («со»: *синхронный*), СУПЕР- («сверх»: *суперэлита* - лучшие семена), СУБ-* («под», «около»: *субтропики, субпассионарный*), ТЕЛЕ-* («далеко»: *телеметрия*), ТРАНС-* («за», «через»: *транскрипция*), ЭКВИ-* («равный»: *эквивалентность*), ЭКС-* «из»: *экспирация*), ЭКЗО- и ЭНДО-* («вне» и «внутри»: *экзобиология* - наука о возможности жизни в космосе; *эндоскопия*) и некоторые другие.

Из суффиксов чаще других встречаются морфы, с помощью которых образуются абстрактные существительные: -АНИј // -ЕНИј (*влияние, сопротивление*), -СТВИј (*следствие*), -ОСТ' (*плотность*), (Е)НЦИј (*конвергенция*) и т.п.: - ИЗАЦИј, - ФИКСАЦИј (*механизация, стратификация*) и др., -ИЗМ* (*дарвинизм*); из суффиксов конкретных существительных наиболее характерны - ТЕЛ' (*ускоритель*) и -ИСТ (*дарвинист*); можно отметить суффиксы -(О)ИД* («подобный»: *сфероид*), а также суффиксы, обозначающие классы веществ: -ИД*, -ИТ*, -АТ* (*сульфид, сульфит, сульфат*), - ИН* (*сахарин*), -АН* (*бутан*), -ИЛ* (*бутил*) и др.; из суффиксов собирательных существительных - -СТВ- (*общество*), -АТ* (*пролетариат*), -ИТЕТ (*генералитет*).

Типичные суффиксы прилагательных (чаще относительных): -(ИЧ)ЕСК (*социалистический, фонетический*), качественных: -АБЕЛЬН* (*семантика*

возможности: *вариабельный*), суффиксы причастий (*болеутоляющее* средство, *сжатый* воздух, *комбинированный* препарат *продолженного* действия, *искомый* результат, *проницаемое* вещество).

Для глаголов характерны суффиксы *-(ИЗ)ИРОВА** (*полемизировать*), *-(СТВ)ОВА* (*соответствовать*), постфикс *-СЯ* (*изучается*). Распространены причастные и малотипичны деепричастные формы.

Широко используются аффиксальные способы словообразования, сложение и неморфологические способы, особенно терминологическая субстантивация (*млекопитающие, пресмыкающиеся* и т. п.).

При образовании слов от иноязычных лексем мы нередко наблюдаем опрощение: *конус - конический*, а не «конусический» (слово, вероятно, заимствовано из латинского языка через немецкий; «-ус» в русском слове входит в состав корня, но в первоисточнике это окончание, которое при образовании прилагательного за пределами русского языка, естественно, отбрасывается), *полемика - полемизировать* и т.п.; или характерные чередования: *рефлекс // рефлексивный, хаос // хаотический, редуцировать // редукция* и т. п.

д) Синтаксические

1. Под влиянием официально-деловой ФС научные тексты обычно синтаксически стандартизованы: двусоставны, полны.

2. При богатой осложненности, затрудняющей процесс чтения, в изобилии употребляются вводные слова и конструкции*, направляющие читательское восприятие, не позволяющие потерять мысль. Логичность, связность выражены максимально.

3. Строго соблюдаются правила цитирования*.

Официально-деловой ФС

Сфера использования - все области взаимодействия личности и государства. Субстили: собственно деловой (постановления, указы, циркуляры и т.п.; служебные письма, протоколы, справки, доверенности, уведомления и т.п.), юридический (законы) кодексы, уставы), инструктивный (технические,

медицинские и др. наставления).

Форма контакта - опосредованная, формы речи - письменная и печатная. Преобладает монологизм, хотя возможны элементы диалога (протокол; служебная переписка - ущербный диалог, чередование монологов).

К этому ФС многие относятся пренебрежительно, видя в нем «мертвый язык бюрократов», однако его неприятие - скорее реакция на «канцелярит». Сам же официально-деловой ФС необходим, как и все остальные.

Вот наиболее общие требования к нему: «1) максима полноты информации/количества; 2) максима качества информации; 3) максима релевантности и 4) максима манеры. Каждая из них состоит из нескольких постулатов. Постулаты к первой максиме гласят: твое высказывание не Должно содержать меньше информации, чем требуется; твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется. Постулаты ко второй максиме: не говори того, что ты считаешь ложным; не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований (именно эти постулаты Грайс считал наиболее существенными для качества коммуникации). Особую важность имеет постулат качества, поскольку все остальные вступают в силу лишь исходя из предположения, что постулат качества выполнен. Третья максима практически состоит из одного постулата: не отклоняйся от темы. Максима манеры включает общий постулат: выражайся ясно, и ряд конвенций: избегай непонятных выражений, избегай неоднозначности, будь организован, будь краток. Перечисленные максимы и постулаты представляют собой принцип совместного оперирования информацией или "принцип циркуляции сведений в составе коммуникативного акта". На сегодня это основной принцип коммуникации, который нельзя оставить без внимания, если всерьез обсуждать явления речевого и коммуникативного актов» (Каспарова 2002: 87-88).

Приведем пример текста, в котором сочетаются элементы нормального официально-делового ФС и канцелярита.

Характеристика

Рядовой Чонкин Иван Васильевич, 1919 года рождения, русский, холостой, беспартийный, образование незаконченное начальное, проходил службу в войсковой части № 249814 с ноября 1939 года, исполняя обязанности ездового. Во время прохождения службы отличался недисциплинированностью, разгильдяйством, халатным отношением к своим служебным обязанностям. За неоднократные нарушения воинской дисциплины и несоблюдение Устава РККА имел 14 взысканий (впоследствии снятых).

*Обладая низким образованием и узким кругозором, на занятиях по политической подготовке проявлял **пассивность**, конспекта не вел, слабо разбирался в вопросах текущей политики и теоретических положениях научного коммунизма.*

*Общественной работой не занимался. **Политически выдержан, морально устойчив.***

Командир в/ч n/n № 249814

n/полковник Пахомов

Комиссар части ст. политрук Ярцев

Вообще не выделены сугубо нейтральные элементы - фактически таковых здесь почти нет. Даже служебные части речи не всегда являются нейтральными, т.к. они иногда вовлечены в состав стандартных формулировок. Например, частица «не» в предпоследней фразе не является нейтральной, хотя, на первый взгляд, трафаретна только формулировка «заниматься общественной работой». Однако она кодифицирована по-разному в отрицательной и утвердительной форме (срав.: «Активно занимался общественной работой», причем обстоятельство необходимо, как и уточнение, какой именно работой). Частица «не» (вернее, смысл ее) определяет внешний вид всего предложения.

Курсивом набраны нормативные для данного ФС слова и грамматические модели, жирным шрифтом - «канцеляриты» (крайности, извращения ФС) сплошной линией подчеркнуты чужеродные элементы, нежелательные или недопустимые в данном ФС.

Несмотря на явно пародийный, сатирический характер этого текста, у нас может составиться вполне адекватное впечатление, во-первых, об официально-деловом ФС, во-вторых, об отклонениях от него. Итак, типичные приметы стиля:

а) воспроизведение определенных стандартов (заглавие и подписи, схема изложения информации: звание - фамилия, имя и отчество - год рождения и т. д.);

б) лексические штампы (войсковая часть № воинская дисциплина, Устав РККА, политическая подготовка, политически выдержан, морально устойчив и т. д.); клишированные грамматические конструкции (за + В. п. + имел + В. п. + постпозитивный причастный оборот - последний особенно характерен - и др.);

в) тенденция к замене номинативности «описательностью», выражающейся в субстантивации («*рядовой*» вместо: «солдат»);

г) тенденция к перифразам («*проходить службу*» и «*исполнять обязанности*» вместо: «служить»).

Характерные «канцеляриты»:

а) тавтология: *проходил службу - прохождение службы - служебным*;

б) плеоназм - *обладая низким образованием и узким кругозором* (можно: «из-за низкого образования и узкого кругозора»), *к своим служебным обязанностям* (понятно, что к своим и к служебным);

в) бессмысленные замены: наименований описаниями («*текущей политики*» вместо: «современной»; но «*текущий год*» - нормальное сочетание), слов - словосочетаниями («*халатное отношение*» вместо: «халатность»);

г) оборот «*проявляя пассивность*» неудачен по многим причинам: во-первых, уже само заимствованное абстрактное существительное по отношению к конкретному живому человеку звучит бездушно, формально, это тем более относится к словосочетанию в целом; во-вторых, оборот плеонастичен: из его продолжения и так следует, что Чонкин не был активным на политзанятиях, причем, судя по пунктуации, оборот не является обобщающим, что оправдало бы его; в-третьих, возможно, помимо воли командира и комиссара, выражение «*проявлял пассивность*» воспринимается как обвинение в демонстративной

аполитичности;

д) глагол «отличался» мы нередко употребляем как штамп именно в тех случаях, когда речь идет не об *отличии*, но лишь о *свойстве*, например, когда мы говорим (хотя и неправильно): «*Задача отличается сложностью*», это обычно означает, что задача сложна, и вовсе не подразумевается, что она сложнее всех остальных; но, что весьма курьезно, стертое, клишированное слово неожиданно приобретает первоначальный смысл: во-первых, лица, давшие характеристику, постарались подчеркнуть, что остальные солдаты были дисциплинированными и добросовестными, во-вторых, Чонкин, как мы помним, действительно *отличался* от своих товарищей - если не халатностью и т. п., то весьма неординарными умственными способностями;

е) для официально-делового ФС характерны конвенциональные (общепринятые) аббревиатуры типа «*РККА*» или «*в/ч*», но сокращения «*п/полковник*», «*ст. политрук*» - это уже нарушения нормы (как бы изобличающие желание скорее отделаться от неприятного занятия);

ж) в сущности, можно было бы подчеркнуть весь текст, начиная со второго предложения: это не характеристика, а бюрократическая отписка: «отцы-командиры» ни словом не обмолвились о главном - какой Чонкин солдат (а он, как мы помним, со своей «бандой» в лице почтальонки Нюры победил целый полк); особенно курьезна последняя фраза: Чонкин «*политически выдержан*» (следовало бы: «*политически грамотен*», но это был бы уже абсурд) - только что говорилось о его политической «*пассивности*» - и «*морально устойчив*» (читая роман В.Н. Войновича, мы имели возможность это оценить); с одной стороны, эти формулировки сами по себе типичны для официально-делового ФС, с другой - это канцеляриты, потому что за штампами теряется человеческое лицо Ивана (от него хоть что-то оставалось в предшествующих отрицательных характеристиках: халатность, разгильдяйство, политическая «пассивность»).

Впрочем, на документ можно взглянуть и иначе: характеристика составлена вполне добросовестно, быть может, даже неплохими людьми. Они написали

главное, что интересовало организацию «Куда Надо»: что Чонкин проявлял пассивность на политзанятиях и слабо разбирался в вопросах текущей политики. Они честно исполнили свои обязанности, но постарались помочь ему (и себе): отметили его малограмотность, подчеркнули, что взыскания были сняты, и, чтобы написать о нем хоть что-то хорошее, добавили явно не подходящие в данном контексте замечания о политической выдержанности и моральной устойчивости. Командир и комиссар, возможно, проявили нормальные человеческие качества, хотя и подчинялись извращенной «логике» бюрократических отношений. В этой бюрократической антисистеме характеристика приобретает *соответствующий ей* смысл, т.е. из отписки превращается во вполне информативный документ, но от такой переоценки (с нашей стороны) не перестает быть «канцеляритом».

Итак, сделаем основные выводы:

1. В официально-деловом ФС мало специфических лексем, однако и нейтральных элементов почти нет. Стилистической значимостью обладает сам *строй текста*.

2. Канцеляризмы *не являются* элементами элементами данного ФС. Они аномальны для него.

Главные требования к официально-деловому ФС:

- рациональная стандартность;
- простота, точность, исключение двусмысленности;
- чистота;
- компактность подачи материала.

Характерные языковые признаки:

а) *Фонетические* особенности отсутствуют, т.к. ФС существует в письменной и печатной форме, зато *орфография* и *пунктуация* должны быть особенно четкими и правильными.

б) *Лексика* описывается скорее отрицательно: в этом стиле отсутствуют эмоционально окрашенные слова, просторечия, диалектизмы, поэтизмы и т. п.

нет в ней устаревших слов, состав неологизмов ограничен, это главным образом термины, то той или иной причине вошедшие в относительно широкое употребление (например, «*ваучер*» - впрочем, это слово скоро станет историзмом).

Специфичными для официально-делового ФС можно считать различные, но только общепринятые социальные термины (*гражданин, служащий*, но не *товарищ* и *интеллигент*; например, в анкетах пишут: «Социальное происхождение - из служащих», а не «из интеллигенции»)*, конвенциональные наименование профессий, родов деятельности («*врач*» вместо «доктор», «*рядовой*» вместо «солдат», «*военнослужащий*» вместо «военный», «*бортпроводник*» вместо «стюардесса»)*, названия учреждений и общественных институтов (*Министерство, Верховный Совет, высшее образование, здравоохранение* и др.)*. Поскольку государство регулирует самые разнообразные области жизни общества, в данном ФС широко представлена терминология, прежде всего научная.

в) Словообразовательные.

1. В этом ФС используются общекнижные аффиксы (см.: Научный ФС).

2. Шире, чем в других ФС, применяется аббревиация: *МАПРЯЛ* (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы), *РАН* (Российская Академия Наук) и т.п., причем выбираются стандартизированные варианты: например, не просто «МГУ», а «*МГУ им. М. В. Ломоносова*»)*.

3. Нередко употребляются шаблоны, образованные морфолого-синтаксическим способом, типа: «*многоуважаемый*», «*вышеупомянутый*»; возможна и субстантивация: «*учащиеся*», «*служащие*» и т. п.

г) Морфологические.

1. Из существительных преобладают конкретные и собирательные (*имущество, оружие*; к собирательным приближаются конкретные, употребляемые во мн. ч. типа «*граждане*»).

2. Единственное число обладает значением множественного в кодексах,

уставах и т. п. - например: «*Часовой обязан...*» = все часовые обязаны.

3. Велика доля существительных адъективного склонения: «*учащиеся*», «*военнослужащие*», «*подозреваемый*», «*дневальный*» и т. п. Они подобны адъективным существительным научного ФС типа «*насекомые*», «*земноводные*», «*ластоногие*» и т.п. - номенклатурным терминам (проникновение официально-делового стиля в научный)

4. Из прилагательных преобладают относительные.

5. В инструкциях используются инфинитивы и императивы, последние предпочтительнее. Наряду с ними, употребляется настоящее время со значением *предписания*, вообще весьма характерное для данного ФС*. Например, валокордин «*без предписания врача взрослые принимают по 15-20 капель 3 раза в день*» (т.е. следует принимать).

6. Весьма распространен пассивный залог, выражаемый возвратными глаголами («*Арендатор обязывается...*», «*Гражданин Н.Н. подозревается...*») или страдательными причастиями (*выпускаемая продукция, перечисленные признаки* и т. п.).

д) *Синтаксические.*

1. Строжайшая грамматическая упорядоченность речи: полнота, двусоставность, прямой порядок слов*.

2. Тенденция к перифрастическим заменам: «*нанести оскорбление действием*» вместо «ударить» (пример из романа В.В. Липатова «И это все о нем...»), «*вести боевые действия*» вместо «воевать»*.

3. В составных (как правило, глагольных) сказуемых используются модальные слова и обороты: *должен, обязан, следует, имеет право* и т. п.

4. Часто употребляются отыменные предлоги: *в целях, согласно (+ Д. п.), на основании, в силу, за счет* и др.*

5. Нередки причастия и причастные обороты, а также деепричастные обороты со значением причины, условия или цели, например: «*являясь ответственным квартиросъемщиком...*», «*соответствуя требованиям ГОСТ...*»,

«стремясь завладеть имуществом...» и т. п.).

6. Простота или сложность синтаксиса обычно зависит от жанра: в инструкции чаще употребляются простые предложения, в заявлении, напротив, все содержание иногда описывается одной сложной синтаксической конструкцией, нередко с разнотипной связью.

Публицистический ФС

Сфера употребления - общественно-политическая, средства массовой коммуникации. Субстили: газетно-публицистический (жанры: передовая статья, репортаж, очерк, фельетон, заметка и др.), научно-публицистический (эссе, интервью и др.), ораторский (речь); формы контакта - опосредованная и прямая, формы речи - письменная и устная, монологическая и диалогическая.

Языковые признаки.

а) Из фонетических черт данного ФС следует выделить отсутствие дефектов и интонационное богатство (последнее отличает его от научного стиля).

б) Лексические.

1. Словарный состав богат и разнообразен, однако нежелательно употребление просторечных, а также узко-корпоративных слов (профессионализмов, жаргонизмов, арготизмов, слэнгизмов) и диалектной лексики. Слова нейтральные и общекижные. Основные семантические поля: «Общество», «Нравственность», «Природа», «Мир» и т. п. Лексика нередко обладает категориальным значением: «Отечество», «народ», «ответствен-ность», «мораль», «гуманизм» и мн. др.

2. Широко используются метасемемы (см. тему «Стилистические ресурсы лексики»), однако метафоры, во-первых, адаптированы к восприятию массовой аудитории, чрезмерная оригинальность, замысловатость для них не характерна, во-вторых, нередко эмблематичны, то есть статичны, однозначны, плакатны, в-третьих, количество их в тексте обычно невелико. Это относится и к фразеологизмам - чаще всего «крылатым словам», то есть устойчивым, часто повторяемым формулировкам («административный восторг», «альфа и омега»,

«аннибалова клятва», «башня из слоновой кости», «блоху подковать», «к добру и злу постыдно равнодушны», «как бы чего не вышло» и др.)*

3. Большую роль играют цитаты и реминисценции (видоизмененные чужие слова), особенно в заглавиях: «Милльон терзаний» - статья И.А. Гончарова. Реминисцентные заглавия весьма распространены, однако редко бывают удачными. Обычно они малоостроумны - например, в газете «Мегаполис-экспресс»: «Шараф Рашидов как зеркало узбекской революции».

4. Использование авторских, окказиональных слов редко («благоглупости» М.Е. Салтыкова-Щедрина нетипичны). Если публицист и употребляет не совсем обычное слово, оно, во-первых, вполне понятно, во-вторых, разъясняется в тексте - например:

Не упомяну, от кого и когда я впервые услышал это русски-русское трагически емкое слово (...) В словаре Даля такого слова нет (...) Есть терпение, за которое стоит уважать, - терпение в муках рожаящих матерей, терпение истинных творцов в работе, терпение оскорбляемых за правду, терпение пытаемых, не выдающих имена друзей... Но есть терпение унижительное, бессмысленное. Неуважение к своему терпению, переходящее в гражданский гнев, - это воскрешение личности или нации. Но страшно, когда неуважение к своему терпению превращается в отупелую притерпелость.

Е.А. Евтушенко. Притерпелость.

в) Словообразовательные.

1. Использование обще книжных аффиксов, особенно префиксов А- (*аморальный*), АНТИ- (*антивоенный*), АРХИ- (*архисложный*), КОНТР- (*контраргумент*), КВАЗИ- (*квази-перестройка*), ЛЖЕ- (*лжегерой*), ПСЕВДО- (*псевдопатриотизм*), СУПЕР- (*суперзвезда*), ЭКСТРА- (*экстраординарный*), суффиксов -АН- (*критикан, политикан*), -ИСТ (СК)- (*нацифист /ский/*), -ОСТ'- (*притерпелость*), -ЩИН- (*маниловщина, обломовщина; образованищина*).

2. Аффиксы бывают не только стилистически маркированными (книжными), но и эмоционально-окрашенными (подчеркнутые суффиксы - см. пункт 1 -

выражают неодобрение).

3. Нередко встречаются слова, образованные морфолого-синтаксическим способом: многообещающий, высокоталантливый; а также особого рода лексико-семантические преобразования: имена исторических лиц и литературных героев, употребляемые аллегорически: *Базаров* (= нигилист, революционер), *Манилов* (= прожектор), *Чичиков* (= авантюрист, жулик), *Наполеон* (= гордец).

г) *Морфологические.*

1. Существительные - конкретные, абстрактные, реже - собирательные.

2. Имена собственные часто употребляются в нарицательном значении (хотя обычно пишутся с прописной буквы), а иногда развивают множественное число (и пишутся, как правило, со строчной буквы), особенно если это литературные герои; мы пишем: «*Наполеоны*», но: «*Чичиковы*» - «*Наполеоны*» «*губернского масштаба*»).

3. Используются общекнижные грамматические формы: краткие прилагательные, аналитические степени сравнения, причастия и др.

д) *Синтаксические.*

1. См.: Поэтический синтаксис.

2. В состав текста нередко включаются гномоны (афоризмы) и хрии (басни, анекдоты, поучительные истории). Примеры гномонов:

Семь мудрецов называю - их родину, имя, реченье:

«Мера важнее всего», - Клеобул говаривал Линдский;

В Спарте: «Познай себя самого», - проповедовал Хилон;

Сдерживать гнев увещевал Периандр, - уроженец Коринфа;

«Лишку - ни в чем!» - поговорка была митиленца Питтака;

«Жизни конец наблюдай», - повторялось Милоном Афинским;

«Худших везде большинство», - говорилось Биантом Приенским;

Ни за кого не ручайся», - Фалеса Милетского слово.

Анонимная эпиграмма.

Есть и другое изложение поучений семи мудрецов:

«Познай себя» (Фалес), «Ничего слишком!» (Солон), «За порукой - расплата» (Хилон), «Знай всему пору» (Питтак), «Большинство - зло» (Биант), «Лучшее - мера» (Клеобул), «В усердии - все» (Периандр).

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.

Примеры хрии:

Однажды римские плебеи начали роптать на притеснения богатых. «Испуганный этим сенат отправил к ним в качестве послов старших и самых уважаемых и самых мягких по характеру и расположенных к народу своих членов. Первым стал говорить Менений Агриппа. Он обращался к народу с горячими просьбами, много и смело говорил в защиту сената и кончил свою речь известною басней. Однажды, сказал он, все члены человеческого тела восстали против желудка. Они обвиняли его в том, что один он из всего тела ничего не делает, сидит в нем без всякой пользы, меж тем как другие, для угождения его прихотям, страшно трудятся и работают. Но желудок смеялся над их глупостью: они не понимали того, что, если в него и идет вся пища, все же он отдает ее назад и делит между остальными членами. «Так поступает, граждане, по отношению к вам и сенат, закончил Агриппа, - в нем имеют начало планы и решения, которые он приводит в исполнение с надлежащей заботливостью и которые приносят доброе и полезное каждому из вас». Его речь расположила народ к миру.

Плутарх. Гай Марций Кориолан.

Этот монолог воссоздал Шекспир в трагедии «Кориолан». А вот хрия-анекдот:

Ломоносов, рожденный в низком сословии, не думал возвысить себя наглостию и запанибратством с людьми высшего состояния (хотя, впрочем, по чину он мог быть им и равный). Но зато умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей. Послушайте, как пишет он самому Шувалову, *предстателю мус, высокому своему патрону*, который вздумал было над ним пошутить. «Я, ваше превосходительство, не только у

вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу».

В другой раз, заспоря с тем же вельможею, Ломоносов так его рассердил, что Шувалов закричал: «Я отставлю тебя от Академии!» - «Нет, - возразил гордо Ломоносов, - разве Академию от меня отставят». Вот каков был этот униженный сочинитель похвальных од и придворных идиллий!

А.С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург.

Предыдущая фраза М.В. Ломоносова (по-французски: *mot*) является гномоном. Тот же М.В. Ломоносов разработал русскую систему «трех штилей», в которой торжественная поэзия и риторика используют лексические и грамматические старославянизмы. Однако уже патриотические воззвания А.С. Шишкова (плохо знавшего церковнославянский язык, апологетом которого он был) образованным людям казались смешными («Я помню, что во время оно мы смеялись нелепости его манифестов, (...) но между тем большинство - народ, Россия - читали их с восторгом и умилением», - вспоминал П.А. Вяземский). Когда же в 1991 г. вышел манифест «ГКЧП», а несколько ранее «Слово к народу», подписанное в том числе А.А. Прохановым (судя по стилю, главным автором этих документов), перенасыщенные церковнославянскими словами и оборотами, произвели эффект, противоположный восторгу и умилению: шокировали своей высокопарностью и полным отсутствием вкуса. Почему-то современные идеологи *вульгарного* неославянофильства считают, что русская душа *обязана* воспламеняться от напыщенных словес и неповоротливого синтаксиса, принимаемых за высокий стиль.

Не только архаизмы, но и вполне системные, нормативные (т.е. принципиально возможные в СРЛЯ), однако практически не употребляемые единицы не украшают риторическую речь, а раздражают своей вычурностью:

И - откуда же набрать средств?

А: до каких же пор мы будем снабжать и крепить - неспособные держаться тиранические режимы, насажденные нами в разных концах Земли, - этих бездонных расхитчиков нашего достояния? - Кубу, Вьетнам, Эфиопию, Анголу, Северную Корею (...) Вот кто *на это* даст отрубной единомгновенный отказ - вот это

будет государственный муж и патриот.

А.И. Солженицын. Как нам обустроить Россию.

Дело даже не в экстравагантной пунктуации, не в выдуманных словах, а в том, что всего этого слишком много.

Манифест А.И. Солженицына не без остроумия спародировал Ю.М. Поляков в повести «Демгородок», в которой великий русский писатель и мыслитель эмигрант Тимофей Соболевичин прислал на Родину брошюру «Что же нам все-таки надо бы сделать?». Там он писал: *«Вся искнутованная оплетенная держава с занозливой болью в сердце ждала своего избавителя». А последняя глава так и называлась: «Мининым и Пожарским может стать каждый» (...) «Россию недруги объярлычили «империей зла». Оставим эту лжу на совести вековых ее недобролюбовцев. Но пробовал ли кто-нибудь постичь внутридушевно иное сочетание - Империя добра!?»*

Публицистика более действенна, когда использует живой русский язык, на котором говорят читатели. Но это должен быть *хороший* русский язык: не засоренный заимствованиями, слэнгом и т. п., энергичный, гибкий, богатый:

Образованность и интеллектуальное развитие - это как раз суть, естественное состояние человека, а невежество, неинтеллигентность - состояния ненормальные для человека. Невежество или полужнайство - это почти болезнь. И доказать это легко могут физиологи.

Д.С. Лихачев. Заметки о русском

Этот фрагмент симметричен, уравновешен: причина (образованность) гармонирует со следствием (интеллектуальным развитием), точно так же в сфере антонимов как причина и следствие связаны невежество и неинтеллигентность; естественным состояниям противопоставлены состояния ненормальные (в последнем случае хиазм, то есть перестановка элементов, усиливает симметрию, снимая монотонность параллелизма). Главную мысль о нормальности культуры автор на все лады повторяет и всячески подчеркивает: синонимически или конверсионно (через синонимическую антонимию: бескультурие противоестественно = естественна культура). Сам Д.С. Лихачев на уровне языка

показывает, что такое культура, каковы *ее* признаки в речи: ясность и четкость изложения мысли, связность текста (и риторические украшения), богатство лексики, точность: автор не повторяется, говоря об одном и том же, он вносит новые оттенки (невежество и неинтеллигентность, невежество и полужнаительство).

Кроме того, текст убедителен. Автор не просто уверен в своей правоте, он *знает*, что прав: он в доказательство ссылается на физиологов; далее Д.С. Лихачев пишет, что человеческий мозг устроен с огромным запасом, что он атрофируется без интенсивной интеллектуальной деятельности, и физиологи это действительно подтверждают.

Язык художественной литературы

Сфера использования - художественная литература (в числе субсфер - театр и эстрада). Формы речи - письменная, печатная, устная. Разновидности - монологическая, реже - диалогическая.

Языковые признаки.

а) Фонетические

Некоторые черты высокопоэтической орфоэпии, выделенные М.В. Ломоносовым, для нас неактуальны, как, например, фрикативное Г (впрочем, сам Ломоносов положил начало утрате различия между фрикативным и взрывным Г, так как в отличие от В.К. Третьяковского, не считал, что для первого требуется особая буква: «Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю?*» - спрашивает он в одном стихотворении, которое начинается такими словами:

Бугристы берега, благоприятны влаги,
О горы с гроздами, где греет юг ягнят,
О грады, где торгова, где мозгокружны браги
И деньги, и гостей, и годы их губят -
подчеркнуто [г]) (см.: Успенский 1994).

Культурный чтец, вероятно, не должен произносить мягко заднеязычные в прилагательных. Во всяком случае, он однозначно неправ, когда говорит: «ныне диК'ий тунгус» или «белеет парус одиноК'ий», потому что нарушается рифма -

соответственно: «великой» и «далекой» (тем более что у Пушкина написано: «дикой», а у Лермонтова - «одинокой»).

Конечно, в глагольных формах конечное -СЬ следует произносить твердо, что особенно проявляется в позиции рифмы - например, у М.И. Цветаевой:

Идешь, на меня похожий,

Глаза устремляя вниз.

Я их опускала - тоже!

Прохожий, остановись!

Яркой приметой высокого стиля считаются старославянские фонетические черты: неполногласие, начальные РА- и ЛА-, начальные А-, Ю-, Е-, соответствующие русским Я-, У-, О-; отсутствие III лабиализации (напр., «версты» вместо «вёрсты»); Щ и ЖД, соответствующие Ч и Ж в русском языке - в «Пророке» Пушкина:

Духовной жаждою томим,

В пустыне мрачной я влачился (...)

И он мне грудь рассек мечом (...)

Восстань, пророк, и виждь, и внемли.

Обратим внимание на некоторые детали. Во-первых, в словах «жажда» и «мрачная» подчеркнутые элементы - старославянского происхождения, но не они определяют принадлежность данных слов к высокому стилю, т.к. в СРЛЯ нет русских соответствий («жажа» и «морочная»). Любой элемент может считаться стилистически отмеченным только тогда, когда у него есть нейтральная пара. Во-вторых, в слове «рассек» нет III лабиализации, но относительность этого приема проявляется на фоне следующего же слова, в котором она происходит: «мечом».

Если нормой СРЛЯ стал старославянский вариант, то соответствовавший ему русский, вышедший из употребления, воспринимается как поэтический элемент - чаще народно-поэтический:

Я - Гойя!

Глазницы воронок мне выклевал ворог, слетая на поле нагое.

Я - Горе.

Я - Голос

войны городов головни на снегу сорок первого года.

Я - голод.

А. А. Вознесенский. Гойя

На фоне общеупотребительных полногласий (воронок, голос, городов головни, голод) достигается стилистический эффект ненормативного полногласия в слове «ворог».

б) Лексические.

В данном стиле используются книжные слова, нередко архаичные: *лик, взор, дева, алкать, вкушать, ристалище, денница, лепота, юдоль* и т. п.

Метафоры и другие средства переноса значения употребляются очень широко.

Фразеологизмы в целом менее характерны для высокого ФС, нежели для публицистического, и это понятно: художественная литература скорее *создает* крылатые выражения, чем использует готовые: «*Любви все возрасты покорны*», «*А судьи кто?*», «*Без руля и без ветрил*» и др. Когда высокая поэзия приближается к публицистике, чужие афоризмы входят в нее естественно, органично - например:

И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это видите ль, слова, слова, слова.
Иные, лучшие, мне дороги права:
Иная, лучшая, потребна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа –
Не все ли нам равно? Бог с ними.

Никому

Отчета не давать, себе лишь одному

Служить и угождать; для власти, для ливреи

Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи.

А.С. Пушкин. Из Пиндемонти

(высокий ФС представлен здесь не в чистом виде, но в данном случае это несущественно).

Зато в собственно поэтических текстах чужие афоризмы не столько воспроизводятся, сколько обыгрываются:

- На дне она, где ил

И водоросли ... Спать в них

Ушла, - но сна и там нет!

- Но я ее любил,

Как сорок тысяч братьев

Любить не могут!

- Гамлет!

На дне она, где ил:

Ил!.. И последний венчик

Всплыл на приречных бревнах...

Но я ее любил,

Как сорок тысяч...

- Меньше,

Все ж, чем один любовник.

На дне она, где ил.

- Но я ее -

любил??

М.И. Цветаева. Диалог Гамлета с совестью

в) На *словообразовательном* уровне высокий ФС почти не отличается от публицистического. Для первого мало характерны окказионализмы (авторские неологизмы), но зато они возникают в гражданской лирике, приближающейся к публицистике:

Как надвинусь я, алчь,
все окутает мрачь,
будет в литературе помалчь ...

А.А. Вознесенский. Ров.

Поэт создает новые слова не из оригинальности, а по необходимости, когда нужно передать какой-то смысловой нюанс. «Алчь» - это не просто жадность. Это ее источник (суффиксы -Н- и -ОСТ'- как бы указывают на вторичность, производность «алчности» от чего-то другого, более страшного, потаенного, до чего добирается Вознесенский, в том числе отсекая аффиксы). «Алчь» - это бездуховность, низводящая человека до скотского состояния:

Как предотвратить бездуховный процесс,
что условно я «алчью» назвал?!

Слова «мрачь» и «помалчь», возможно, слишком искусственны, однако Вознесенский, во-первых, дает читателям понять, что они тоже порождены «алчью», во-вторых, это не просто «мрак» и «молчание»: это мрак души, беспросветность жизни, молчание совести. Между прочим, похоже, что окказионализм Вознесенского может восприниматься современными читателями как слово, вполне освоенное русским языком. Например, в 1991 г. поэт Е. Каминский написал:

Ну, воздать за хулу, за бессовестно лающий рот.
Ну, за алч наказать... Но, цепной уподобив собаке,
Без любви, без надежды, без веры оставить народ?
Не покинь его, Господи, трижды слепого, во мраке.

Почему-то это слово изменило род, если, конечно, здесь нет ошибки или опечатки.

Можно отметить и такую деталь, как сложные эпитеты - напр., в поэзии Ф.И. Тютчева: «*громокипящий кубок*», «*вседробящая струя*», «*инстинкт пророчески-слепой*»: «Пророческий» - сверхзрячий. И вдруг, через черточку - «слепой»! Этим людям свойственно сильное живое чувство природы, но ... без проникновения в

ее тайну (...) «С того блаженно-рокового дня» - в раздвоенном эпитете философия жизни, в которой радостное слито со скорбным, перемешаны свет и мрак (...) «Над водой темнолазурной» - эпитет несет такую цветовую гамму, которая и радует, и печалит, и успокаивает, и тревожит, и обнадеживает, и сеет зыскательную настороженность» (Чичерин 1977: 394-395).

г) *Морфологические признаки* нередко связаны со старославянской или древнерусской грамматикой:

Не потребность в звезде
пусть еще, но уж воля благая
в человеках видна издали

И.А. Бродский. 24 декабря 1971 года

Множественное число образовано не супплетивно (*в людях*), а флективно. Стихотворение посвящено празднику Рождества, прорастанию вечных истин и ценностей в наш секуляризованный (нерелигиозный) мир. На стилистическом уровне это иллюстрируется легкой архаизацией современного по своему строю и лексике текста.

К явлениям того же порядка можно отнести звательные формы:

Если только можно, Авва Отче,
Чашу эту мимо пронеси

Б.Л. Пастернак. Гамлет

(здесь цитируется молитва Христа в Гефсиманском саду)

Такое же впечатление могут производить краткие причастия и сокращенные деепричастия совершенного вида:

Вдруг спросите: «А не с ума ль сошел,
задумал некто излагать сюжет,
что и невежде с малолетства ведом?»

Б.А. Ахмадулина. Ромео и Джульетта

Поэма Б.А. Ахмадулиной говорит о бессмертии подлинной Любви, так что возвышенный старинный слог здесь необходим. Кстати, в этом фрагменте есть

еще один признак высокого стиля - местоимение «некто».

В этом ФС нередко употребляются как имена собственные существительные:

Опустите, пожалуйста, синие шторы.

Медсестра, всяких снадобий мне не готовь.

Вот стоят у постели моей кредиторы

молчаливые: Вера, Надежда, Любовь

Б.Ш. Окуджава

и местоимения:

ни животных, ни яслей, ни Той,

над Которою нимб золотой (...)

То и празднуют нынче везде,

что Его приближенье

И.А. Бродский. 24 декабря 1971 года

д) *Синтаксические особенности* высокого стиля ФС будут изложены в разделе «Стилистические ресурсы синтаксиса».

Приметы высокого стиля гораздо более разнообразны, чем было показано здесь. Студентам можно порекомендовать статью Л.В: Щербы «Современный русский литературный язык», прежде всего анализ стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: она (статья) дает хорошее представление о том, что такое церковнославянский строй поэтического текста.

Просторечный ФС

Просторечный ФС - составная часть разговорной речи, т.е. понятие более узкое. Просторечие - это безграмотная и/или вульгарная речь находящаяся за пределами нормы. Разговорная речь - это живая речь непосредственного и неформального общения - как с нарушением языковых норм, так и в соответствии с нормативными установками. Поэтому в дальнейшем разговорная речь и собственно просторечие будут, насколько возможно, разграничиваться.

Сфера использования просторечного ФС - непринужденное общение,

художественная литература: Формы речи - устная, письменная (последняя отличается не только материалом, в котором она воплощается, но и большей степенью обобщенности: в ней обычно опускаются натуралистические детали - повторы, «упаковочный материал» и т. п.).

Для просторечия характерны спонтанность, экспрессивность (в том числе богатое использование паралингвистических средств).

Языковые признаки

а) *Фонетические.*

Для просторечия типичны разнообразные искажения: элизии (*здрасьте, проволка, Ивановч*), инфиксы (*рубель, театор* - следствие разложения сонанта; в случаях типа «*министер*», «*психиатор*» субморфы - EP, -OP появляются по аналогии с иноязычным написанием слова - например, *minister*, или сходными словами - например, «*докт-ор*»), ненормативные ударения (*дoговор*), субституция и гиперкоррекция, то есть приспособление и сверхисправление. Например, в древнерусском языке не было собственной фонемы /Ф/, поэтому при заимствовании (главным образом из греческого языка) слов с /Ф/ она приспособлялась к системе фонем принимающего языка и заменялась более или менее близкими единицам, в том числе «ХВ»: *Хведор, кохвий, охвицер*. Когда же в русском языке постепенно утвердился собственный звук [Ф] (в результате оглушения В после падения редуцированных), отпала необходимость в адаптации фонемы /Ф/. Она стала восстанавливаться в тех словах, где была исконно (коррекция), но по аналогии возникала и там, где ее никогда не было (гиперкоррекция), то есть сочетания «ХВ» и даже «КВ» превращались в «Ф»: *фатера, фалить, фост, фастать*.

б) В области *лексики* характерно использование экспрессивно-окрашенных слов (уменьшительно-ласкательных, неодобрительных, фамильярных, иронических, бранных): *харя, заполошный, жрать* и т. п.

Нередко развивается окказиональная полисемия, то есть слова приобретают неожиданные значения - например, «*порнография*» - халтура, нечто низкопробное

(«Санта-Барбара», в которой, кажется, нет откровенно порнографических, то есть цинично-непристойных сексуальных сцен). Вообще реэтимологизация (переосмысление) эротической лексики - весьма типичный признак просторечного стиля. Из этого примера следует еще один вывод: просторечная лексика чрезвычайно выразительна и метафорична.

в) *Словообразовательные* черты разговорной лексики:

- преобразование нейтральных слов: картофель - *картошка*, общежитие - *общага*, бордо - *бордовый*, умереть - *помереть*;

- использование аффиксов со значениями субъективной оценки: -ИК-* (*братик*), -ИЦ- (-ИЧ- -К-)* (*сестрица, сестричка*), -К-* (*Ванька*), -УШК- и т.п.* (*дедушка*), ПРЕ-* (*прескверный*), РАЗ-* (*развеселый*), квантитативными, то есть количественными: -ЕНЬК-* (*тоненький*), -ЮСЕНЬК-* (*малюсенький*), -ЕХОНЬК-* (*полнехонький*); для просторечного ФС характерны экспрессивные суффиксы* - j - (*тряпье, ворье*), -УХ- (*старуха*), -УН-(*болтун*), -ЫГ- и т.п. (*торопыга, хитрюга, молодчага*), -ЯК- (*остряк*) -значения многих из них стерты или соответствуют разным чувствам: например, -ЮГ- в слове «*нахалюга*» передает явное неодобрение, а в слове «*хитрюга*» вносит оттенок восхищения; собирательный суффикс -j- преимущественно связан со значениями презрения, пренебрежительности, но их трудно увидеть в слове «*мужичье*», как и у суффикса -Н'- в слове «*ребятня*»;

- удвоения: редупликация (*чуть-чуть, добрый-предобрый*)*, геминация (*ширли-мырли, хухры-мухры, фигли-мигли*)*;

- окказионализмы (*демокрады, прихватизация*).

г) Для *фразеологического* уровня разговорной речи характерны соответствующие обороты* - «*вставлять палки в колеса*», «*прищемить хвост*», «*совать нос в чужие дела*» и т.п. Весьма типична разного рода избыточность: «*глядеть в оба*» (впрочем, здесь избыточность формальна, слово «оба» субстантивировано: оно соответствует существительному «глаза», плеоназмом было бы выражение «глядеть в оба глаза»), «*лезть из кожи вон*», редупликаты типа «*ждать не дожидаться*».

д) Из *морфологических* признаков просторечия следует обратить внимание на следующие:

- варианты падежных окончаний - например, флексия -У* в предложном падеже единственного числа: *в дому, в отпуску, на дубу*; флексия -А* в именительном падеже множественного числа: *инженера, мичмана*; нулевая флексия в родительном падеже множественного числа: *много помидор, баклажан, носок*, а также некорректные* употребления других окончаний: *10 гектаров, амперов* и др. (например, В.С. Высоцкий пишет о карточном короле из «Алисы в Стране чудес»):

Король, что тыщу лет назад над нами правил,

Привил стране лихой азарт игры без правил:

Играть заставил всех графей и герцогей,

Вальтей и дамов в потрясающий крокей);

- склонение неизменяемых существительных*: *раствор мумия*, говорить с *мудемуазелью Эльзевирой Ренессанс* (из пьесы В.В. Маяковского «Клоп»), в республике *Сахе*; в том числе (в разговорной речи) грамматизация аббревиатур: решение *ВТЭКа* (врачебно-трудоу экспертной комиссии), письмо из *ВАКа* (Высшей аттестационной комиссии); аналогичное употребление несклоняемых местоимений (в просторечии):

- (...) предположим, что у вас в кармане два яблока. Некто взял у вас одно яблоко. Сколько у вас осталось яблок?

- Почему?

- Я же не отдам Некту яблоко, хоть он дерись!

А.Н. Толстой. Приключения Буратино.

- ослабление управления частями составных существительных (имен) и числительных: *к Ивану Ивановичу*; *с тысяча девятьсот девяносто шестью человеками** (в просторечии);

- суффиксы* -ИВА-, -ИВА-, -ВА- в глаголах несовершенного вида с семантикой регулярности, повторяемости (так называемое давнопрошедшее время): *видывал, слыхивал*, нередко при этом возникают чередования в корне, как

гласных, так и согласных: ходил - *хаживал*, гостил - *гащивал* (в разговорной речи);

- суффикс -А*- перед суффиксов -НУ*- в глаголах совершенного вида с семантикой быстрого, резкого (нередко необдуманного) действия: *толкануть, сказануть, махануть* (в разговорной речи);

- отглагольные междометия*: *прыг, скок, шасть, хватъ*; весьма характерно употребление междометий (в разговорной речи).

е) *Синтаксис разговорной речи** - отдельная, весьма обширная тема. Подробнее см. работы О.А. Лаптевой, О.Б. Сироткиной, Е.А. Земской, Н.Ю. Шведовой, О.А. Крыловой, Е.Н. Ширяева, К. Кожевниковой. Отметим лишь некоторые типичные признаки; это:

- эллиптичность, неполнота, в том числе междометные фразы типа: *Ой ли!*
Ну и ну!

- вводные слова, которые употребляются часто, но играют роль «упаковочного материала» (*знаешь, так сказать, в общем* и т. п.);

- конструкции с именительным темы «существительное + местоимение» - например: *Я рабочий. Пролетарий. Которые «всех стран соединяйтесь»* (В. Липатов. *И это все о нем*); *Этот материал, он прочный; А этот, который младший сын, был дурак.*

- транспозитивное (переносное) употребление времен и наклонений глагола в сказуемых, причем глаголы в различных грамматических формах нередко расположены компактно; особенно это характерно для сказа: *Щепотки волосков Лиса не пожалей, остался б целым хвост у ней* (И.А. Крылов); *Пошел он дальше и видит...*;

- нарушение прямого порядка слов - например, выдвижение в препозицию рематического определения: *Прекрасная была пора; Трудный выдался год; Замечательные у вас друзья;*

- опущение союзов и союзных слов в сложноподчиненных предложениях, иногда и более пространных фрагментов: *Нет ли у вас очков (чтобы я мог)*

письмо прочесть? Неудобно (было вам, когда вы) ехали на перекладных? Она неопытная (потому что) молодая; Жаль (что) не встретимся мы;

- перерывы в речи; повторы (для непринужденной речи особенно характерны повторы в ответной реплике диалога - Шведова 1960: 285).

К просторечному ФС не следует относить корпоративные, то есть узко-специальные, субъязыки: слэнг (например, язык молодежи), жаргон (например, язык музыкантов:

- Расскажите, как было дело?

- Сперва лабали жмурику, потом побашляли, кирнули и покашпыряли...

- Да кто вы такие?

- Лабухи...

Б.Н. Тимофеев-Еропкин. Правильно ли мы говорим?),

арго. Хотелось бы привести следующее весьма интересное рассуждение о последнем:

Шаламов считает лагерный опыт полностью негативным (...) Я думаю, этого мало. Такое чувство еще не означает любви к свободе. И даже - ненависти к тирании (...) Есть красота и в лагерной жизни. И черной краской здесь не обойтись.

По-моему, одно из её восхитительных украшений - язык.

Законы языкознания к лагерной действительности - неприменимы. Поскольку лагерная речь не является средством общения. Она - не функциональна. Лагерный язык менее всего рассчитан на практическое использование. И вообще он является целью, а не средством.

С филологической точки зрения, эти утверждения не вполне корректны: и законы языкознания к блатной речи вполне применимы (одно из последних подтверждений тому - докторская диссертация об арго М.А. Грачева, защищенная в 1995 г.), и функциональность не сводится к коммуникативно-сти (есть и другие языковые функции, в том числе экспрессивная и эстетическая), а коммуникативность - не только примитивный бытовой контакт, но эти замечания кажутся банальными рядом с замечательными наблюдениями талантливого писа-

теля:

На человеческое общение тратится самый минимум лагерной речи. «Тебя нарядчик вызывает...», «Сам его ищу...». Такое ощущение, что зеки экономят на бытовом словесном материале. В основном же лагерная речь - явление творческое, сугубо эстетическое, художественно-бесцельное. Тошнотворная лагерная жизнь дает языку преференцию особой выразительности.

Лагерный язык - затейлив, картинно живописен и щеголеват. Он близок к звукозаписи ремизовской школы.

Лагерный монолог - увлекательное словесное приключение. Это - некая драма с интригующей завязкой, увлекательной кульминацией и бурным финалом. Либо оратория с многозначительными паузами, внезапными нарастаниями темпа, богатой звуковой нюансировкой и душераздирающими голосовыми фиоратурами.

Лагерный монолог - законченный театральный спектакль. Это балаган, яркая, вызывающая и свободная (!) акция.

Речь бывалого лагерника заменяет ему все привычные гражданские украшения. А именно - прическу, заграничный костюм, ботинки, галстук и очки. Более того - деньги, положение в обществе, награды и регалии.

Хорошо поставленная речь часто бывает единственным оружием лагерного старожилы (...)

Добротная лагерная речь вызывает уважение к мастеру. Трудовые заслуги в лагере не котируются. Скорее - наоборот. Вольные достижения забыты. Остается - слово.

Изысканная речь является в лагере преимуществом такого же масштаба, как физическая сила.

Хороший рассказчик на лесоповале значит гораздо больше, чем хороший писатель в Москве.

Можно копировать Бабея, Платонова и Зощенко (...) Лагерную речь подделывать невозможно. Поскольку *главное ее условие - органичность*. Фраер, притво-

ряющийся вором, - смешное и неприличное зрелище. О таких говорят: "Дешевка, под законника канает".

Как это ни удивительно, в лагерной речи очень мало бранных слов. Настоящий уголовник редко опускается до матерщины (...), ценит качество, а не децибеллы. Предпочитает точность - изобилию. Брезгливое "Твое место возле параша" - стоит десятка отборных ругательств (...) В лагере еще жива форма словесного поединка (...) с отточенными формулировками на уровне Крылова или Лафонтена:

- Волк и меченых берет...

В лагере не клянутся родными и близкими (...) Тут говорят:

- Клянусь свободой!..

С. Довлатов. Зона.

Автор этого блестящего очерка фактически противопоставляет арго и общеупотребительный русский язык (не обязательно СРЛЯ), а значит и просторечный ФС последнего. Просторечие общеупотребительно, если не с социальной, то с территориальной точки зрения, то есть его употребляют если не все, то повсеместно, чего нельзя сказать о корпоративных субъязыках. Разумеется, молодые люди, взрослея, не забывают своего слэнга, а блатной лексикон широко проникает в обиходную речь и в публицистику, но это не меняет общей картины радикально. В просторечие проникают лишь элементы корпоративных субъязыков.

Не следует включать в просторечный ФС и нецензурную брань, но по другой причине, ибо она, конечно, не узко-корпоративна и чрезвычайно распространена. Мат можно считать квази-лексикой, обладающей не столько денотативным, сколько эмотивным значением. У всех матерных слов есть «благопристойные» эквиваленты, причем не только специальные, но и разговорные, так что непосредственной номинативной необходимости в этой лексике нет. Однако матерные слова чаще означают нечто иное, нежели коитус и гениталии, - прежде всего эмоциональные реакции говорящего. Матерные слова - это фактические

местоимения или междометия, то есть абстрактные заменители.

Особое отношение к мату объясняется его перформативностью -равнозначностью слова к действию. Когда человек матерно ругается (*лается*), он как бы превращается в нечестивого дьявольского пса (подобие Кербера) и совершает символическое *надругательство* над матерью-землей (Успенский 1994).

Использование мата в литературе едва ли стоит считать высоким художественным достижением. Это скорее неопрятность - эстетическая и этическая.

График самостоятельной работы студентов

	вид самостоятельной работы	сроки	время	форма контроля
1.	Чтение и конспектирование специальной литературы.	1 нед. сентября	4 ч./нед.	Творческая работа по созданию текстов в разных стилях на одну тему.
2.	Чтение и конспектирование специальной литературы; выполнение контрольно-тренировочных упр.; работа с лингвистическими энциклопедическими словарями. Составление таблицы «Разграничение стилистических и речевых ошибок», подготовка к терминологическому диктанту.	2-3 нед. сентября	4 ч./нед.	Терминологический диктант по темам Ч.1 № 1, 2.
3.	Чтение специальной литературы; выполнение контрольно-тренировочных упражнений. Составление таблицы «Стилистические синонимы». Составление таблицы-схемы «Типы стилистической окраски слова». Подготовка к контрольной работе.	4 нед. сентября – 1 нед. октября	4 ч./нед.	Сам. работа «Средства словесной образности». Сам. работа «Стилистические синонимы». Сам. работа «Типы стилистической окраски».
4.	Чтение и конспектирование специальной литературы.	2-3 нед. октября	4 ч./нед.	К.р. «Основные понятия стилистики. Сти-

	Составление вопросника к теме.			листические ресурсы русского языка».
5.	Чтение и конспектирование специальной литературы; составление сводной таблицы «Функциональные стили русского языка»; подготовка к самостоятельной работе.	4-5 нед. октября	4 ч./нед.	Индивидуальное собеседование по теме.
6.	Чтение и конспектирование специальной литературы; выполнение контрольно-тренировочных упражнений.	1-2 нед. ноября	4 ч./нед.	Самостоятельная работа по теме «Функциональные стили речи».
7.	Чтение и конспектирование специальной литературы.	3-4 нед. ноября	4 ч./нед.	Индивидуальное собеседование по теме.
8.	Чтение и конспектирование специальной литературы.	1-2 нед. декабря	4 ч./нед.	Индивидуальное собеседование по теме.
9.	Чтение специальной литературы; составление плана-конспекта по теме.	3-4 нед. декабря	4 ч./нед.	Терминологический диктант
10.	Чтение и конспектирование специальной литературы; подготовка к контрольной работе.	5 нед. декабря – 1 нед. января	4 ч./нед.	Итоговая семестровая контрольная работа.

Разработки тем для самостоятельной подготовки к лабораторным работам

Тема: Стилистика: предмет, задачи.

1. Из истории стилистики. Стилистика второй половины XX в.
2. Стилистика: предмет, задачи, функции.
3. Стилистика “от узкого понимания к широкому” (дескриптивная стилистика, текстовая стилистика, функциональная стилистика, прагматическая стилистика, историческая стилистика).
4. Стилистика в зависимости от выдвигаемых задач (практическая стилистика, теоретическая стилистика, сопоставительная стилистика).
5. Роль В.В.Виноградова в развитии отечественной стилистики.
6. Стилистика как учебная дисциплина. Связь стилистики с другими науками.

Термины:

Риторика, стилистика, стилистика языка, стилистика речи, стилистика художественной литературы, дескриптивная стилистика, текстовая стилистика, функциональная стилистика, прагматическая стилистика, историческая стилистика, практическая стилистика, теоретическая стилистика, сопоставительная стилистика.

Задания для письменного выполнения:

Среди данных слов найдите разговорные, подберите к ним нейтральные (межстилевые) и высокие синонимы. Составьте словосочетания с каждым из них.

Гвалт, большой, прикорнуть, работающий, новый, работать, болтать, книжица, привередливый, дерево, нынче, каверзный, изучать, приключиться, тормозить, увильнуть, растрянжирить.

Задание выполните в форме таблицы.

Литература.

1. Кожина М.Н. Стилистика современного русского языка. М., 2005.

2. Барлас Л.Г. Русский язык: стилистика. М., 1981.
3. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1978 (Первый раздел).
4. Практическая стилистика русского языка: функциональные стили /Под ред. В.А.Алексеева и К.С.Роговой.
5. Бондалетов В.Д. и др. Стилистика русского языка. Л., 1989.
6. Стрельцов В.В. Основы публицистики: жанры. М., 1990.

Тема: Нормированность литературного языка как его необходимый признак

1. В чем заключается объективная точка зрения на язык?
2. В каких наивных, житейско-школьных суждениях проявляется нормативная точка зрения на язык?
3. Чем объясняется возникновение норм, нормированности языка?
4. Почему есть основания называть литературный язык «неестественным», противопоставляя его народному, «естественному» языку?
5. Каковы основные черты нормы, отмеченные А.М.Пешковским?
6. Чем объясняет А.М.Пешковский требование ясности литературной речи?
7. Почему, по мнению А.М.Пешковского, так важна роль изучения литературного языка как нормативного?
8. Почему, считает А.М.Пешковский, нельзя ограничиваться только нормативной точкой зрения на язык?
9. Назовите высказывания А.М.Пешковского о меткости, образности и афористичности литературного языка.
10. Как вы понимаете слова Л.В.Щербы «языковая сокровищница»?
11. Что такое «языковой стандарт»? Как, по мысли Л.В.Щербы, разрешается противоречие между языковым стандартом и индивидуальным речетворчеством?
12. О какой критерии современного литературного языка идет речь в статье Л.В.Щербы?

13. На чем основано убеждение Л.В.Щербы, что школа должна «напитать своих воспитанников всей совокупностью нашей классической литературы»?

14. Как бы вы могли доказать справедливость утверждения Л.В.Щербы о том, что «самым уязвимым и вместе с тем очень важным элементом языка является его стилистическая система»?

15. Какие новые задачи, встающие перед русским литературным языком, имел в виду Л.В.Щерба в связи с тем, что русский язык стал средством межнационального общения в СССР?

16. Какие положения работы Л.В.Щербы являются важными на ваш взгляд?

Литература

1. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978 (1 глава). Тезисы.

2. Щерба Л.В. Литературный язык и пути их развития / В кн.: Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 130-140. Тезисы.

3. Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык / В кн.: Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. М., 1960. С. 231-242. Тезисы. Выписки.

Тема: Стилистические ресурсы языка.

1. Охарактеризуйте парадигматические стилистические отношения. В чем их отличие от структурной парадигматики? Приведите примеры.

2. Что такое синтагматика стилистических единиц? Покажите на примерах.

3. Что называется ресурсами стилистики? Дайте классификацию. Покажите место стилистических синонимов в системе стилистических ресурсов.

Термины:

парадигматика, синтагматика, парадигматические отношения, синтагматические отношения, синонимы, десинонимизация, открытое использование синонимов, скрытое использование синонимов.

Задания для письменного выполнения:

1. Охарактеризуйте стилистическую синонимию ряда “умереть” в отрывке из романа И.Ильфа и Е.Петрова “Двенадцать стульев”. Составьте рассказы-миниатюры с синонимическим рядом.

2. Сравните две редакции рассказов А.П.Чехова «Аристократка». Проследите, как меняется текст с заменой синонимов (см. следующий лист).

3. Выполните упр. 34, 35, 36, 39 стр. 22-25 по Сборнику упражнений по стилистике русского языка И.Б.Голуб.

Литература

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 2005. С. 43-46, 111-118.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997. С. 28-33.

Тема: Стилистическая окрашенность языковых средств.

Лексическая синонимия.

1. Слово как основная лексическая и стилистическая единицы (лексическое значение слова и грамматическое значение слова).

2. Понятие стиля и стилевой черты. Функциональный стиль.

3. Стилистическая окрашенность языковых средств.

4. Функционально-стилевая окраска и функционально-стилевая дифференциация лексики.

5. Стилистически нейтральные слова.

6. Эмоционально экспрессивная окраска слов.

7. Подготовьтесь к терминологическому диктанту: стилистика, литературный язык, культура речи, язык, речь, диалекты. жаргон, просторечие, норма языковая, норма стилистическая, стилистическая ошибка, слово, лексическое значение слова, коннотация, стилистически нейтральные слова, стилистическая помета, кодификация, лексическая стилистика.

Задания для письменного выполнения:

1. Выполните упр. 88, 90, 91, 95, 98 на с. 51-58 из Сб. упр. по стилистике русского языка И.Б.Голуб (М., 1997)

2. Составьте два небольших текста на тему “Студент и весна”. В первом максимально используйте слова и выражения, имеющие ярковыраженную функционально-стилевую и эмоционально-экспрессивную окрашенность; во втором постарайтесь использовать только нейтральную лексику. Сравните текста с точки зрения стилистического анализа.

Литература.

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 1997. С. 57-67.

2. Кожина М.Н. Стилистика современного русского языка. - М., 1983. - § 6, с. 32-43. § 16-17.

3. Лингвистический энциклопедический словарь /Под ред. В.Н.Ярцева. М., 1990 (соотв. статьи).

Тема: Функциональные и жанрово-ситуативные стили языка

1. Проблема выделения стилей в современной лингвистике (т.з. Г.Н.Поспелова, В.В.Виноградова, А.И.Ефимова, Р.А.Будагова, Н.А.Гвоздева и др.).

2. Понятие стиля. Критерии выделения стилей.

3. Понятие функционального стиля и его разновидностей.

4. Вопрос о стиле художественной литературы.

5. Понятие жанрово-ситуативного стиля.

Понятия и термины: стиль, жанрово-ситуативный стиль, функциональный стиль.

Задания для письменного выполнения:

1. Определите стилистическую окраску данных синонимичных фразеологизмов:

Заснуть вечным сном - сыграть в ящик - дать дуба - почить в бозе - отправиться к праотцам - приказать долго жить - ноги протянуть - окинуть копыта.

2. Заполните пропуски в таблице. При необходимости пользуйтесь словарем синонимов.

Лексика		
стилистически приподнятая	стилистически нейтральная	Стилистически сниженная
очи	глаза	Гляделки
вкушать
.....	спать
вещать
.....	идти
.....	Плакаться
отрада
.....	Наперед
.....	действительно
.....	смотреть

Литература.

1. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1971. С. 19-31.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 2005. С. 43-53, 66-82.

Тема: Стилистическая норма. Стилистическая ошибка.

1. Дайте определение стилистической пометы. На что указывает стилистическая помета? Приведите примеры.
2. Что такое языковая норма? Почему одни варианты воспринимаются как нормативные, а другие - нет (факторы нормативности)? Каковы признаки языковой нормы?
3. Охарактеризуйте общелитературные и стилистические нормы. В чем их сходство и в чем различия?
4. Дайте определение стилистической норме и стилистической ошибке.
5. Назовите типы стилистических ошибок, приведите примеры.
6. К каким структурным ошибкам близки стилистические ошибки? Как в стилистике решается вопрос об определении и классификации стилистических ошибок?

7. Что такое стилистический эксперимент? Каковы его место и роль среди методов стилистики? Приведите высказывания Л.В.Щербы, А.М.Пешковского о роли стилистического эксперимента при работе над текстом (См. Гвоздев А.М. Очерки по стилистике русского языка).

Термины:

Стилистическая помета, языковая норма, варианты нормы, стилистическая норма, стилистическая ошибка, стилистический эксперимент.

Задания для письменного выполнения:

1. Выпишите из Словаря русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой 10-15 слов, имеющих разные стилистические пометы, определите, что они обозначают.

2. Выполните упр. 115, 116 (1-14) по Сб. упр. по стилистике русского языка А.К.Панфилова (М., 1989). С. 62-63.

Литература.

1. Кожина М.Н. Стилистика современного русского языка. М., 2005. С. 92-106.

2. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965. С. 32-38, 40-41.

3. Энциклопедия “Русский язык” /Под ред. Ю.Н.Караулова. М., 1997. С. 354.

4. Материалы лекции.

Тема: Официально-деловой стиль.

Жанрово-ситуативные стили деловой речи.

1. Понятие официально-делового стиля. Сфера применения, форма и задачи (цели).

2. Формирование официально-делового стиля.

3. Жанрово-ситуативные стили деловой речи.

4. Черты официально-делового стиля:

а) фонетические;

- б) лексические;
- в) грамматические;
 - морфологические;
 - синтаксические.

5. Стилистические черты официально-делового стиля.

Задания для письменного выполнения:

1. Распределите приведенные ниже слова и выражения по следующим группам: а) слова и выражения, имеющие официально-деловую окрашенность; б) слова и выражения, входящие в состав всех книжных стилей, в том числе и официально-делового; в) стилистически нейтральные слова и выражения (они входят в состав всех функциональных стилей); г) слова и выражения, чуждые официально-деловому стилю языка.

Все слова, за исключением сопровождаемых специальными пояснениями, выступают в прямом (не переносном) значении.

Дом, единовременное пособие, заводщице, иметь дело, иметься в виду, как в воду кануть, нетрудоспособность, отдельные (в значении “некоторые”), обусловить, овечка, оголтелый, один-одинешенек, озеро, от нечего делать, подлежит изъятию, таковой, терем, тракторка, уменьшение, халтурить.

2. В русском языке, наряду с глаголами помочь, осмотреть, убежать и т.д. есть синонимичные им словосочетания оказать помощь, подвергнуть осмотру, совершить побег и т.д. Сопоставьте слова и словосочетания. Какие из них более уместны в официально-деловой речи? Подберите не менее десяти пар. Составьте два-три предложения с использованием выражения типа оказать помощь.

Литература

1. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993.

Тема: Научный стиль. Жанрово-ситуативные стили научной речи.

1. Понятие научного стиля. Сфера применения, форма и задачи (цели).

2. Формирование научного стиля.

3. Жанрово-ситуативные стили научной речи:

а) научная статья и монография,

б) аннотация. Реферат. Конспект. Тезисы.

4. Черты научного стиля:

а) фонетические,

б) лексические,

в) морфологические,

г) синтаксические.

5. Стилистические черты научного стиля.

Задание для письменного выполнения:

1. Сделайте письменный анализ 2 текстов из лингвистического энциклопедического словаря и научной статьи (на выбор).

2. Напишите аннотацию на научную статью по вашей будущей специальности.

Литература

1. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987.

2. Русский язык и культура речи: Учебник / Под ред. проф. В.И.Максимова. М., 2000. С. 399 – 405.

3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 2005.

Тема: Публицистический стиль языка. Жанрово-ситуативные стили публицистической речи

1. Какое положение занимает публицистический стиль в системе функциональных стилей современного русского литературного языка? чем объясняется его особое положение? Какова сфера употребления публицистического стиля?

2. Назовите языковые особенности публицистического стиля.

3. В чем отличие публицистических фразеологизмов от речевых штампов?

4. Какие жанрово-ситуативные стили публицистической речи вам известны?

В каких жанрах публицистики наиболее ярко проявляется индивидуально-авторский стиль?

5. В чем состоит сходство и различие между публицистической речью и языком художественной литературы?

Задание для письменного выполнения:

Проведите стилистический анализ газетного (журнального) текста (по выбору).

Литература

1. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. С. 20-25.

2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. С.200-209.

Тема: Разговорный стиль речи

1. Функции и сфера употребления разговорного стиля русского языка.

2. Характеристика языковых средств разговорного стиля.

а) разговорная лексика и фразеология, их эмоционально-экспрессивный характер;

б) морфологические и синтаксические средства разговорного стиля;

в) орфоэпические особенности разговорного стиля. Вопрос о «стилях» произношения.

3. Неправомерность отождествления понятий «разговорная речь» и «разговорный стиль» языка.

4. Жанрово-ситуативные стили разговорной речи. Стилистика эпистолярного жанра.

5. Использование средств разговорного стиля за пределами разговорной речи.

Задание для письменного выполнения: Сделайте стилистический анализ рассказа М.Зощенко «Аристократка».

Литература

1. Голуб И.Б. Русский язык и культура речи. С. 26.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. С.209-214.

Тема: Язык художественной литературы

1. Неоднозначность вопроса о статусе языка художественной литературы в современной науке.

2. Язык художественной литературы в его отношении к литературному и национальному языку.

3. Специфика языка художественной литературы.

а) категория образа (соотнесенность с особым типом мышления, художественным мышлением),

б) особенность художественного слова (эстетическая функция),

в) образ автора.

4. Роль языка художественной литературы в развитии и совершенствовании стилистической системы языка.

Литература

1. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 2005. С. 198-209.

ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: общие сведения

Цель стилистического разбора состоит в отнесении текста (отрывка текста) к одному из функциональных стилей языка. Прием, средством такого разбора является описание стилистических форм, стилистических значений и стилистических функций, создающих стилевую маркированность текста. Отнести текст к тому или иному стилю, как правило, несложно, гораздо сложнее разглядеть все конститuentы стиля и возможно полнее описать их. Стилистический анализ по своей сути многоаспектен: стилистические варианты форм встречаются на различных уровнях языка: иначе - иначе (фонетический уровень), инспекторы - инспектора (морфемный уровень), сентиментальный - душещипательный (лексический уровень), из-за болезни - вследствие болезни (синтаксический уровень).

Кроме стилистических форм в стилистический разбор входит также описание стилистических значений слов. В смысловой структуре многих слов содержится стилистическое значение, ср., пометы в словаре дееспособный - книжное, официально-деловое, юридическое.

Также следует остановиться на стилистических функциях. Обычно выделяют такие стилистические функции, как функцию сообщения, изобразительную (или выразительную) функцию, поэтическую, комическую, функцию речевой характеристики персонажа, повышение тональности текста, снижение тональности текста. Материалом для стилистического разбора могут служить как тексты прозрачные в стилевом отношении, так и тексты, содержащие вкрапления другого стиля - тексты со “стилеразрушающими” элементами. “Стилеразрушающие” бывают преднамеренными (например, как средство создания комического) и непреднамеренными - в последнем случае можно вести речь о стилистической невыдержанности текста, о стилистических погрешностях и ошибках.

Стилистический разбор, в отличие от других видов разбора, включает в себя описание экстралингвистических особенностей текста, также говорящих о стилистической принадлежности языкового материала.

Порядок стилистического анализа текста

1. Общая характеристика текста: назначение или функция текста; откуда взят данный отрывок, отражает ли он речь автора или речь персонажа.
2. Экстралингвистические особенности текста.
3. Анализ стилеобразующих средств:
 - а) лексические стилеобразующие средства (анализируются слова, обладающие стилистическим значением);
 - б) фразеологические стилеобразующие средства;
 - в) морфологические стилеобразующие средства;
 - г) синтаксические стилеобразующие средства.
4. Содержит ли текст “стилеразрушающие” элементы - элементы другого стиля?
5. Вывод о принадлежности данного отрывка к тому или иному функциональному стилю.

Образец стилистического анализа текста

Текст.

Наряду с существенными семантическими признаками значений (дифференциальными или интегральными) было признано необходимым рассматривать в ряде случаев несущественные признаки, называемые “ассоциативными” (Гак 1972: 382) или же “потенциальными” (Шмелев 1969: 26). Для слова молния, например, таким признаком является быстрота, для слов дед и бабка - старый возраст. Учет ассоциативных признаков важен потому, что во многих случаях они служат основой различных метафорических переносов, ср. телеграмма - молния (Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974).

1. Функция данного текста - сообщение; это отрывок из лингвистической монографии.
2. Экстралингвистические особенности данного отрывка: информационная насыщенность, строгий отбор средств, лаконизм, логичность, однозначность, мо-

нологичность. В тексте есть специфический признак научного изложения - ссылки, сноски. Употреблены принятые в научном стиле сокращения.

3. Стилеобразующие средства в тексте:

лексические особенности стиля: наличие общенаучной терминологии - признаки, факт, существенные, несущественные. Обилие специальной лингвистической терминологии: дифференциальные и интегральные признаки, метафорический перенос, семантические признаки, значение, ассоциативные признаки, потенциальные признаки, обращение;

фразеологические особенности стиля: наличие устойчивого книжного словосочетания служат основой;

морфологические особенности стиля: наличие кратких и полных причастий - признано, называемые; наличие отглагольного существительного учет;

синтаксические особенности стиля: из трех предложений, составляющих текст, два являются сложными. Простое предложение и предикативные части в сложном предложении осложнены, в качестве осложнения использованы вставные конструкции дифференциальными и интегральными, Шмелев 1969: 26, Гак 1972: 382; обособленное определение, выраженное причастным оборотом называемые “ассоциативными ... или “потенциальными”...; вводное слово например, указывающее на последовательность, организацию мыслей. Все сказуемые являются составными, многоаспектными: было признано необходимым, является признаком, старше, важен, служат основой переносов. В первом предложении употреблен сложный предлог наряду с. Актуальное членение последнего предложения вызвано стремлением автора подчеркнуть причинную зависимость: Учет ассоциативных признаков важен потому, что во многих случаях...

4. “Стилеразрушающих” элементов в отрывке нет, текст выдержан в едином стилевом ключе.

5. Все изложенное свидетельствует о том, что данный отрывок относится к научному стилю.

Дидактические материалы к теме:

Стилистическая норма. Стилистическая ошибка.

Задание: Определите тип ошибок в предложениях, исправьте их.

1. По мнению Лермонтова, если бы было больше оружия и солдат, то русские не отдали бы Москвы фашистам.
2. У Щукаря ценного добра не было, кроме своей старухи.
3. Настоящая женщина - это женщина не по половому признаку, а с большой буквы.
4. Она умерла, но после нее остался след.
5. Элен шла, отполированная тысячью взглядов, а Наташа сильно смущалась: ей было стыдно, что ее впервые оголили.
6. Муж ее погиб на войне, но пособия не получает.
7. Евгений Онегин продолжает жить, подобно Байрону: принимает ванну со льдом, сам с собой играет в бильярд.
8. Единственное объяснение дуэли в том, что Онегин, и Ленский ошалели от собственной скуки
9. Вскоре Онегин стал писателем и написал роман, который назвал своим именем - "Евгений Онегин".
10. Она видит в кабинете его книги и сразу набрасывается на них.
11. Природа для него как женщина: чем больше не видишь, тем больше скучаешь.
12. Иногда девчонки устраивали танцы, стреляли по фашистским самолетам.
13. Лечащий врач Андрея удивлялся, сколько в этой девушке силы воли и способности к сиделке
14. Многие наши современники: и Чингиз, и Айтматов - показаны в произведении "Плаха".
15. В душе остался очень приятный осадок.
16. Только сейчас, перечитывая повесть новыми глазами, я могу сказать, как она хороша!

17. Я читал произведение Ахматовой “Плаха”.

18. На месте деревни Матеры должны были построить БАМ.

19. Под природой писатель понимает все мировоззрение.

20. На мальчика словно дыхнула из космической тьмы: словно что-то вошло в вышло.

1. Никто не стал счастливее заемщицы Ларисы. Он не смог переступить через старушку

21. У Есенина был очень большой опыт общения с природой. Он повидал все ее прелести.

22. Пушкин, говоря о любви к няне, пишет: “Люблю тебя, Петра творенье!”

23. Некрасивость юной особы компенсировали ее глаза.

24. Чиновников автор рисует как черных мух на белом сахаре.

25. Он проявляет прожилки добра.

26. Кабаниха напрягает Катерину. Тихон - лох, т.е. крест.

27. В жизни так редко встречаются хорошие, идеальные люди, в том числе и женщины.

28. Это было универсальное существо: хозяйка, мать, жена.

29. Автор вместе с нами удивляется: откуда маленькая графиня набралась таких способностей.

30. Александр Сергеевич живет вместе с Онегиным, духовно сливается с ним воедино, и, мне кажется, в Евгении уже заложена частичка жизни Александра Сергеевича.

2. Я иногда задумываюсь, и мне кажется, что Пушкин любил всех женщин без исключения

31. (О Пушкине) Он - мозг и тело, а его произведения как руки, играющие на гитаре. А гитара - это мы

32. Давным-давно Пушкин вошел в наши дома. Для детей - он добрый дядька, для людей пожилых - отличное успокоительное.

33. Родион задает себе вопрос: “Тварь ли дрожащая или вошь?”

34. Болконский сидел в тюрьме, а потом вместе с Пьером Безуховым они оказались на Куликовом поле под Бородином.

35. Мы говорим Блок - подразумеваем стих. Мы говорим стих - подразумеваем Блок.

36. Блок до самого нельзя проникает в нас своим творчеством.

37. Чацкий детство провел в Москве в семье Фаустов.

38. Пушкин посвятил стих своей нянечке: "Татьяна, милая Татьяна!"

39. Это маленькое, хрупкое, забитое существо участвует почти во всех жизненных ситуациях (о женщине).

40. Стремительное развитие техники породило в человеке "козьячье" чувство своей ничтожности

3. Растет и крепнет русская литература, а сила гениального слова Пушкина все не слабеет

41. На экранах десятками умирали наши и враги.

42. В бой шли Кутузов и Тушин и вся солдатская масса.

43. Мы должны помнить о почти девочках из повести "А зори здесь тихие...".

44. Состояние его после убийства такое неустойчивое, что он даже не может потратить заработанные деньги.

45. В процессе пожара были обнаружены такие продукты, которые никто из жителей ни разу не видел.

46. Пушкин родился в Африке, а родственники у него жили в России. Его няня Раина Родионовна взяла его в Кавказ лечить, т.к. он болел. У Пушкина с детства воспитывался инстинкт поэта.

50. Этот писатель Чехов мне нравится, потому что он писал рассказы небольшого объема.

Термины курса «Стилистика»

Арго	Стилистика языка
Дескриптивная стилистика	Стилистическая окрашенность языковых средств
Жанрово-ситуативные стили	Стилистические синонимы
Жаргон	Стилистическое значение
Историческая стилистика	Текстовая стилистика
Коннотативное значение	Теоретическая стилистика
Мелиоративная лексика	Тропы
Научный стиль	Фамильярная лексика
Официально-деловой стиль	Фигуры речи
Пейоративная лексика	Функциональная стилистика
Прагматическая стилистика	Функционально-стилистическая окрашенность
Практическая стилистика	Функциональный стиль
Просторечие	Художественные фигуры
Публицистический стиль	Эмоционально-экспрессивная окрашенность
Разговорный стиль	Язык художественной литературы
Риторика	Языковые средства художественной выразительности
Сопоставительная стилистика	
Стилистика	
Стилистика речи	
Стилистика художественной литературы	

Контролирующие материалы

Проверочная работа № 1.

Тема: Введение в стилистику. Основные понятия стилистики.

Вариант 1.

1. Ответьте на вопросы:

1. Дайте определение стилистике и ее предмету.
2. Назовите предпосылки появления стилистики.
3. Какую стилистическую систему предложил М.Ломоносов? Что лежит в основе разделения стилей у М.Ломоносова?

2. Дайте определение следующим лингвистическим терминам:

Литературный язык, стиль, речь.

Вариант 2.

1. Ответьте на вопросы:

1. Назовите и охарактеризуйте аспекты современной стилистики.
2. Как разграничиваются язык и речь?
3. Расскажите о роли В.В.Виноградова в становлении и развитии отечественной стилистики.

2. Дайте определение следующим лингвистическим терминам:

Стилистика, практическая стилистика, предмет стилистики.

Проверочная работа № 2.

Тема: Стилистическая и эмоционально-экспрессивная окрашенность лексики.

Вариант 1.

Задание: Определите стилистическую и эмоционально-экспрессивную окрашенность слов, словосочетаний и фразеологических выражений. Составьте предложения с подчеркнутыми единицами.

Классификация предложений, деревянная голова, голубое небо, коричневая чума, шарахнуть, сыграть в ящик, одержать победу, заснуть, красотуля, мяч, волчище, солдат, ворюга, ахиллесова пята.

Вариант 2.

Задание: Определите стилистическую и эмоционально-экспрессивную окрашенность слов, словосочетаний и фразеологических выражений. Составьте предложения с подчеркнутыми единицами.

Звонкие согласные, умница, высокая гора, сборище хулиганов, долбануть, помереть со смеху, волеизъявление, милочка, котяра, кенгуру, шанежки, вавилонское столпотворение.

Вопросы к зачету (итоговый контроль)

1. Стилистика как наука. Предмет стилистики, ее аспекты. Связь стилистики с другими лингвистическими дисциплинами.
2. Вопрос о разграничении языка и речи.
3. Роль В.В. Виноградова в развитии отечественной лингвистики.
4. Литературный язык как высшая форма национального языка. Признаки и формы его существования. Этапы формирования современного русского литературного языка.
5. Нелитературные формы русского языка.
6. Слово как основная стилистическая единица. Коннотативный компонент в структуре значения слова.
7. Стилистическая окрашенность слова, ее разновидности. Стилистически нейтральные слова.
8. Отражение стилистической окрашенности слова в словарях и справочниках. Стилистическая помета, типы стилистических помет.
9. Лексическая синонимия. Типы синонимов. Стилистически неоправданное употребление синонимов. Приемы включения синонимов в речь.
10. Функции стилистических синонимов в речи.
11. Литературная норма. Признак, варианты и виды литературной нормы. Ошибки, нарушающие литературную норму. Стилистическая характеристика ошибок.

12. Стилистическая норма как разновидность литературной нормы. Стилистический вариант.

13. Стилистические ошибки. Типы стилистических ошибок. Принципы разграничения стилистических и структурных ошибок.

14. Стилистический эксперимент. Формы, задачи и основные принципы стилистического эксперимента.

15. Функциональный стиль. Научные споры о понятии «функциональный стиль».

16. Система стилей современного русского литературного языка, ее внутривидовая организация.

17. Книжные стили современного русского литературного языка. Принципы выделения, особенности.

18. Разговорные стили современного русского литературного языка. Принципы выделения, особенности.

19. Научный стиль современного русского литературного языка, его подстили и жанры. Принципы организации речевых средств в пределах стиля, характеристика языковых единиц, вариантов, синонимических способов выражения и закономерности их использования в соответствии с условиями и целями коммуникации.

20. Официально-деловой стиль современного русского литературного языка, его подстили и жанры. Принципы организации речевых средств в пределах стиля, характеристика языковых единиц, вариантов, синонимических способов выражения и закономерности их использования в соответствии с условиями и целями коммуникации.

21. Публицистический стиль современного русского литературного языка, его подстили и жанры. Принципы организации речевых средств в пределах стиля, характеристика языковых единиц, вариантов, синонимических способов выражения и закономерности их использования в соответствии с условиями и целями коммуникации.

22. Разговорный стиль современного русского литературного языка, его подстили и жанры. Принципы организации речевых средств в пределах стиля, характеристика языковых единиц, вариантов, синонимических способов выражения и

закономерности их использования в соответствии с условиями и целями коммуникации.

23. Вопрос о языке художественной литературы. Правомерности выделения художественного стиля среди других функциональных стилей.

24. Понятие стилистической парадигмы. Синтагматика стилистических единиц.

25. Стилистические ресурсы языка.

26. Средства словесной образности как стилистические ресурсы языка.

27. Стилистические ресурсы фразеологии.

28. Стилистические ресурсы словообразования.

29. Стилистические ресурсы морфологии.

30. Стилистические ресурсы синтаксиса.

31. Текст как стилистическая единица. Textoобразующие категории: содержание и смысл.

32. Стилистические категории текста и речевые средства их выражения.

33. Монологическая и диалогическая формы речи.

34. Способы изложения содержания.

35. Речь автора и речь персонажа: типы речеведения.

Требования к зачету

1. Посещение всех аудиторных занятий.

2. Активная работа на лабораторных занятиях.

3. Обязательная самостоятельная подготовка и выполнение практических заданий и упражнений согласно плану занятий.

4. Подготовка докладов, выступлений по темам занятий (1-2 в семестр).

5. Выполнение всех самостоятельных, проверочных, контрольных и творческих работ

6. Посещение консультаций преподавателя и собеседование по терминам курса “Стилистика русского языка”.

7. Выполнение зачетной контрольной работы.

8. Успешное собеседование по вопросам к зачету.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ДИСЦИПЛИНЕ

Основная литература

1. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 2004.
2. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 2005.

Дополнительная литература

1. Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка: Лексика. Фонетика. М., 1986.
2. Голуб И.Б. Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1989.
3. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993.
4. Горбачевич К.С. Нормы современного русского языка. Л., 1989.
5. Горбачевич К.С. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1978.
6. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976.
7. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1971.
8. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.
9. Винокур Г.О. О задачах истории языка // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
10. Головин Б.Н. Язык и статистика. М., 1971.
11. Ефимов А.И. Стилистика русского языка. М., 1969.
12. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи. М., 1982.
13. Костомаров В.Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный» // Проблемы современной филологии. М., 1989.
14. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
15. Крылова О.А. Основы функциональной стилистики русского языка. М., 1979.
16. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
17. Литературная норма и просторечие. Сб. статей /Отв. Ред. Л.И.Скворцов. М., 1977.

- 18.Максимов Л.Ю. Литературный язык и язык художественной литературы // Анализ художественного текста. Вып. 1. М., 1975.
- 19.Максимов Л.Ю. Стилистика художественной речи в педагогическом вузе (Спецкурс) // Современный русский язык. М., 1976.
- 20.Методическая разработка к курсу стилистики русского языка /Отв. Ред. В.В.Степанова. Л., 1976.
- 21.Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
- 22.Панфилов А.К. Лекции по стилистике русского языка. Функциональные стили /Под ред. В.А.Алексеева и К.А.Роговой. М., 1982.
- 23.Пешковский А.М. Избранные труды. М., 1959.
- 24.Практическая стилистика русского языка. Функциональные стили / Под ред. В.А.Алексеева и К.А.Роговой. М., 1982.
- 25.Сенкевич М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.
- 26.Сиротина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.
- 27.Солганик Г.Я. Лексика газеты. М., 1981.
- 28.Стилистика газетных жанров / Под ред. Проф. Д.Э.Розенталя. М., 1981.
- 29.Сулименко Н.Е. Стилистические ошибки и пути их устранения. Л., 1966.
- 30.Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М., 1981.

Сборники упражнений и текстов для анализа

1. Голуб И.Б. Сборник упражнений по стилистике русского языка. М., 1998.
2. Кохтев Н.Н., Голуб И.Б., Солганик Г.Я. Практическая стилистика русского языка. Б.упражнений. М., 1987.
3. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1977.
4. Основы культуры речи: Хрестоматия /Сост. Л.И.Скворцов. М., 1984.

СОДЕРЖАНИЕ

Цели и задачи дисциплины.....	3
Содержание дисциплины и формы работы.....	6
Материалы к лекциям.....	9
График самостоятельной работы студентов.....	86
Разработка тем для самостоятельной подготовки к лабораторным работам.....	88
Дидактические материалы: Стилистический анализ текста.....	99
Дидактические материалы е теме «Стилистическая норма. Стилистическая ошибка».....	102
Термины курса «Стилистика».....	105
Контролирующие материалы.....	106
Вопросы к зачету.....	107
Требования к зачету.....	109
Учебно-методические материалы по дисциплине.....	110